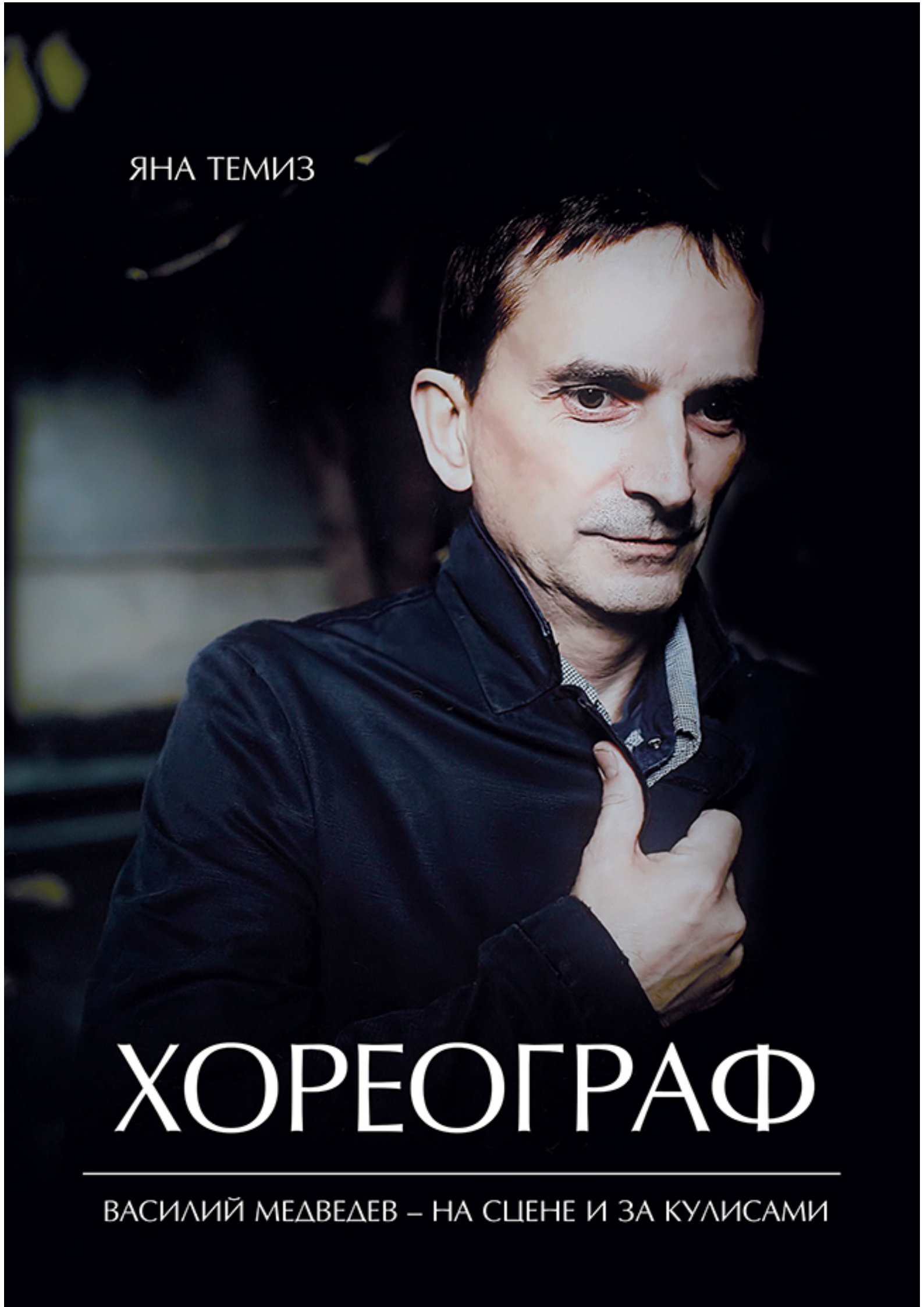

ЯНА ТЕМИЗ

A portrait of a man with dark hair and a slight stubble, wearing a dark jacket over a light-colored shirt. He is looking directly at the camera with a serious expression. His right hand is partially visible, resting near his chest. The background is dark and out of focus.

ХОРЕОГРАФ

ВАСИЛИЙ МЕДВЕДЕВ – НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

Яна Темиз

**Хореограф. Роман-балет
в четырёх действиях**

«Товарищество научных изданий КМК»

2019

Темиз Я.

Хореограф. Роман-балет в четырёх действиях / Я. Темиз —
«Товарищество научных изданий КМК», 2019

ISBN 978-5-907099-75-3

«Хореограф» – романизированная биография российского хореографа Василия Медведева. Герой книги проходит сложный путь от мальчика, мечтающего поступить в Вагановское училище, до успешного и востребованного мастера, осуществившего множество постановок на сценах лучших театров мира и работающего со звёздами балета. Это увлекательная история взросления и становления артиста, чья юность пришлась на 70–80-е годы XX века, это рассказ о закулисе и о создании балетных спектаклей. «Такой книги о балете у нас ещё не было: это новое слово в жанре балетной биографии – оригинальная форма, живой слог, мастерская до виртуозности композиция. И герой, интереснейший и по своей работе, и по необычной судьбе...» Ольга Розанова, балетный критик. Книга адресована как любителям балета, так и широкой читательской аудитории.

ISBN 978-5-907099-75-3

© Темиз Я., 2019
© Товарищество научных изданий
КМК, 2019

Содержание

Действующие лица и исполнители	6
Пролог. Препарасьон	8
Картина первая. Из Дома во Дворец	8
Действие первое. Экзерсис	29
Картина вторая. Святая святых	29
Картина третья. Два занавеса	41
Картина четвёртая. Железный занавес	54
Картина пятая. О любви	69
Картина шестая. Безвоздушное пространство	82
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Яна Темиз
Хореограф. Роман-балет
в четырёх действиях

© Яна Темиз, 2019.

© KMK Scientific Press, 2019.

Действующие лица и исполнители

Ведущие солисты:

Хореограф – Василий Медведев (Россия)

Мама – Олимпиада Васильевна Медведева (Россия)

Ассистент хореографа – Станислав Фечо (Чехия)

Солисты:

Отец хореографа – Михаил Анатольевич Медведев (Россия)

Брат хореографа – Юрий (Георгий) Медведев (Россия)

Бабушка хореографа – Мария Михайловна Родионова (Россия)

Корифеи:

Друг хореографа – Любомир Кафка (Чехия)

Критик и либреттист – Валерий Модестов (Россия)

Автор либретто – Яна Темиз (Турция)

Кордебалет:

Педагоги Академии русского балета имени А.Я. Вагановой; балерины и танцовщики; художественные руководители и директора театров; композиторы, дирижёры, художники; костюмеры, осветители, бутафоры; критики, друзья, недруги, поклонники; образы и персонажи, города и страны...

* * *

“...some dance to remember, some dance to forget...”
Eagles, “Hotel California”¹

¹ «Кто-то танцует, чтобы вспоминать; кто-то танцует, чтобы забыть...» (англ.) – из песни группы «Eagles» «Отель Калифорния»

Пролог. Препарасьон

Картина первая. Из Дома во Дворец

Здание с колоннами, старинное, похожее на театр.

Родное, петроградское.

Дом культуры.

Наконец-то она снова здесь, как же ей не хватало всего этого: колонн, старинных зданий, Невского проспекта, театров, высоких домов, культуры! Серого неба, белых ночей, чёрных мостов, гранитных набережных, пронизывающего ветра... сколько жарких лет, сколько долгих зим!

Липа (отец называл её Липочка, редкое, несовременное имя, как будто из пьес Островского!) сжала руку сына – он подпрыгивал (как будто внутри мешающей ему тяжёлой шубки) и не замечал ничего вокруг: ни зданий, ни холода, ни сугробов. Знал, что сейчас его приведут туда, где можно танцевать, и он думал, что танцевал... он всё время танцевал – кажется, что с рождения.

Он не знал, что по-настоящему набор в танцевальную студию был в сентябре, но тогда их семья ещё не приехала в родной для Липы Ленинград.

Семьи военных – это всегда довольно странные сюжеты. Старший сын родился за границей – в Будапеште, а Вася, младший, поздний, её самый любимый сын, которого она назвала в честь своего отца, на юге – в Грозном. Так далеко, такое странное стечение обстоятельств: муж, военный врач, должен был... мы все что-то должны, всегда.

Сама она мечтала стать певицей – настоящей, оперной, и голос был, все уверяли, что чудесный голос, сопрано, но началась война, потом страшная блокада, и нужно было делать только то, что должно, выживать, а не петь. А после войны – столько всего, закрутилось-закружилось: учёба, любовь, замужество, дети... всё, как у всех. Кроме детей: её мальчики не как у всех, они совершенно особенные, оба такие талантливые!

«Оля, – когда дети не слышали, муж называл её так, хотя ей это не очень нравилось. – Ты испортишь их своими похвалами и восторгам! Вырастишь избалованных и самовлюблённых хвастунов! Никакие они не гении, мальчишки как мальчишки!».

В глубине души Михаил тоже гордился сыновьями, особенно старшим, обожал их, но считал, что растить настоящих мужчин нужно правильно, без излишних сантиментов, что мальчики с детства должны...

А сейчас я должна отдать своего мальчика в танцы.

Она крепко держала Васину ручку: ещё жив был тот страх, когда она его чуть не потеряла. Выглянула во двор в этом чужом, непривычном кавказском городке, почти деревне – и не увидела своего малыша. Господи, только не это, она как-то вдруг и сразу поняла, что её мальчика здесь нет, что надо что-то делать, куда-то бежать... муж был на службе... Юра, Юрочка, почти задохнулась она.

Старший, большой – конечно, не взрослый, всего-то тринадцать, но по сравнению с крошечным Васенькой... десять лет разницы! – мамин помощник, понял с полуслова, побежал на улицу, и повезло, что увидел! Странная женщина в чём-то длинном и чёрном (кто она была? цыганка? городская сумасшедшая?) вела его братика за руку – и они уже вышли на известную всем местным «трубу», которая была как мост над небольшой быстрой речкой, а за ней начинались страшные для городских лес и горы. Детям не разрешали по ней ходить, но Юра, конечно, втайне от родителей ходил – все ребята ходили, что он хуже, что ли... но трёхлетний брат... куда она его ведёт?! Только бы не упали! Юра бросился, побежал по трубе: хорошо, что

не в первый раз! нечего слушать глупые запреты взрослых! что они понимают, как бы я смог сейчас, если бы боялся чёртовой «трубы»?! Вася, Васька! Он буквально выхватил ручку брата – женщина отступила, не сопротивлялась, спокойно ушла по трубе.

Олимпиада Васильевна Медведева (Родионова)

Михаил Анатольевич Медведев

Вася

Больше они никогда её не видели.

– Васенька, как ты мог?! – ругалась и плакала Мама. – Ты же знаешь, что такое «нельзя»! Нельзя уходить с нашего двора, нельзя, как же ты?..

Он не знал, что ответить.

...Потом, через много лет (Мама часто вспоминала тот случай, не могла забыть), в своей следующей, взрослой жизни, ему удалось вспомнить взгляд странной женщины: что это было – гипноз? Он же точно знал, что уходить нельзя, он всегда играл в их маленьком дворе, а тогда почувствовал что-то необъяснимое. И все романтические и драматические похищения – из любого сериала! – он представлял себе очень живо: он-то знал, как они делаются, как счёт идёт на секунды, ведь эта расхожая коллизия чуть не изменила всю его жизнь.

С тех пор Липа очень боялась его потерять.

Не так, как все матери, а очень остро, почти болезненно: пережить такое... боже мой, вот он, со мной, мой вновь обретённый мальчик, счастье моё, мой поздний и последний ребёнок... только мой! Надо бы наказать его, отшлёпать, и побольнее – чтобы не потерять! Чтобы он боялся этого раньше неведомого ему наказания и больше никогда... вот бы вернуться в Ленинград, надо жить в Ленинграде, а не в этих постоянных скитаниях, до чего дожили, чуть сына не украли – Липа плакала, плакала, решила отшлёпать.

«Что это?!» – в штанишках сына, на попке, лежали толстые шерстяные носки, один выпал от её первого неловкого удара. Старший брат решил защитить младшего: его-то всегда наказывали, он знал, как это бывает... сейчас он чувствовал себя героем, спасителем и хотел спасти брата и от шлепков. Может быть, после того подвига он и решил называть себя Георгием?

Мама смеялась (до слёз?), обнимала обоих: какие же вы у меня чудесные мальчики, как я вас обоих люблю, какое счастье! Ещё бы в Ленинград перебраться, чтобы дети могли жить в настоящем Городе с большой буквы, получить хорошее образование, не переезжать с места на место, не гулять на пыльном жарком дворе, около такой опасной и непонятной «трубы»,

ведущей в лес... Липа и в Ленинграде всегда держала младшего за руку – даже если просто вела его в Дом культуры.

Вестибюль был пуст, они пришли раньше времени.

– Девушка, вы куда?

– Я... скажите, пожалуйста, где здесь кружок танцев?

Гардеробщица.

Липа понимала, что нужно улыбнуться, и заискивающе улыбнулась.

Ему казалось, что Мама шла, как королева.

Она была очень красивой, его Мама. Носила модные платья, бусы и туфельки – даже через много-много лет стиль шестидесятых останется для него особенным: привлекательным, лёгким, шикарным... летний, летящий стиль его раннего детства.

Сейчас на Маме было толстое зимнее пальто с меховым воротником, сам он тоже был укутан: в этом Мамином Ленинграде, о котором она столько рассказывала, зимой было темно и холодно, но скоро будут обещанные Мамой волшебные «белые ночи»... а сейчас с него снимут эту ужасную шубку, и он будет танцевать! Варежки он уже снял и бросил, они повисли на просунутой в рукава резинке (отличный фокус!), и он пытался выпутаться из шарфа и избавиться от шапочки.

– Танцы в зале, прямо по коридору и налево. Пальто сдайте. Вы новенькие, что ли?

– Да, – решительно ответила Липа, внутренне превратившись в уверенную в себе, смелую Олимпиаду.

Всё-таки ей повезло с именем: произнесёшь мысленно «О-лим-пия-да» – и сразу спина прямее и взгляд твёрже. И гордость появляется, и можно победить.

– Вас приняли? – не унималась общительная гардеробщица.

– Да, приняли! – сказала Олимпиада и взяла номерок. – Спасибо!

Впереди был длинный коридор, раздевалка... сколько же их потом будет – раздевалок, гримёрных, длинных коридоров... километры и годы.

Шубка, шарф и шапка, кофты, рейтузы и колготки сняты, надеты носочки и чешки: как он радовался, что Мама смогла купить настоящие чешки – из спортивного магазина! Чёрные, с белыми треугольными вставочками, чешки были прекрасны и совсем чуточку велики, это неважно.

Откуда-то донеслись звуки – не музыка, ещё нет, так брат иногда нажимает на несколько клавиш пианино, нажмёт и слушает... Васе стало интересно, и он побежал на эти звуки: наверное, там он и будет танцевать, как это весело! Огромный зал, огромное зеркало – какое чудо!

Кто-то около пианино в углу, память не сохранила того лица.

И какая-то тётя.

Мамины слова: «Пожалуйста... в порядке исключения... только сейчас вернулись в Ленинград... военный... недавно четыре года исполнилось!» – потом строгая тётя остановила его, уже танцующего перед этим фантастически огромным зеркалом.

– Хочешь научиться танцевать? – ему хотелось сказать: «Нет! Я хочу просто танцевать! Я умею!», но он не успел: тётя, казалось, не ждала ответа. – Дай ногу... вот так встань. Спину выпрями. Поднимай ножку... выше... ещё выше... носочек вытяни... руку сюда...

Она больно растягивала и странно выворачивала его ноги, заставляла наклоняться и приседать.

– Ну что ж... данные хорошие, мальчиков у нас мало... я его возьму.

– Ура! Приняли! – он подпрыгнул и радостно захлопал в ладоши: было неприятно и больно, но ему так хотелось, чтобы его «приняли»! Только сейчас он понял тревогу Мамы, её неуверенные «если примут» и «могут не принять», и вспомнил слово, сказанное ею гардеробщице.

– Какой живой, эмоциональный ребёнок! – засмеялась строгая тётя. – Это хорошо, люблю таких. В танце ведь главное – душа!

Потом ему некогда было думать ни о какой душе.

Оказалось, что он ничего не умеет, что в танце главное – идеально прямая спина, подъём, выворотность, постоянное повторение одних и тех же, уже снившихся ему движений с французскими названиями.

Он очень хотел стать как все – те, кто ходил в кружок с сентября.

Среди них были и ребята постарше, он был одним из самых маленьких и очень старался. Не всегда понимал, что делать, как встать, в какой момент повернуться... было не очень понятно, как из этих странных упражнений у станка (он удивился новому слову, но тотчас принял его: было приятно выговаривать все-все новые, непонятные, балетные слова!) вырастет танец. Разве это – эти медленные приседания (плие), эти движения руками (пордебра), эти позиции (хорошо, что я умею считать!) – разве всё это танец? Вот прыжки и галоп – точно танец, и ему нравилось, когда можно было наконец-то отойти от станка и пробежаться под музыку по середине зала. Упражнения у станка были больше похожи на утреннюю зарядку – конечно, намного сложнее, но когда-то же должны начаться настоящие танцы?

Мама говорила, что настоящие танцы начинаются именно так, иначе нельзя.

Она повела его в театр – потом он узнал, что это была знаменитая «Мариинка» (это слово шёпотом, а вслух театр назывался «Кировский»), и это было первое в его жизни «Лебединое озеро». И тогда он поверил Маме: именно это – настоящий танец, и он вдруг сумел разглядеть красоту вытянутых подъёмов, округлых рук, прямых спин... да, этот танец складывается из уже знакомых ему батманов тандю и жете, из пордебра, из плие, и теперь ему было не скучно упорно повторять одно и то же, и он испытывал странное удовольствие от вошедшего в его жизнь ритуала.

И от стремления к совершенству каждого движения.

Стать как все, а потом – лучше всех.

И Мама – Королева, подарившая сыну арбалет... а его Мама подарила ему – балет.

Может быть, балет вошёл бы в его жизнь и без неё, или он сам как-нибудь всё равно вошёл бы в этот особенный мир, но нет, надо признать: фигура Мамы, вечно ожидавшей его в каких-то длинных, насквозь продуваемых, то полутёмных, то освещённых холодным светом, то гулко пустынных, то шумно многолюдных коридорах, провожавшей его на первые в жизни гастроли, ведущей его на очередной конкурс или просмотр, – эта фигура навсегда осталась в его памяти.

– Вы сами будете его водить?

Строгая «тётя» из Дома культуры, педагог Ираида Сурина, безошибочно чувствовала в этом мальчике солиста.

Характер такой. И данные есть: невысокий, зато длинноногий, красивый, но всё это есть у многих, а у этого ещё и страсть, яркость, сила, и желание выделиться, суметь, победить. Перспективный мальчик, привычно думала она, и боль перетерпел, хотя совсем маленький... интересно, что из него получится? Может, бросит танцы через год и с той же страстью захочет быть космонавтом. Или ещё кем-нибудь: кругом такие увлекательные вещи, энтузиазм... в буднях великих строек – вся страна поёт и куда-то стремится. Отвлечётся – или некому будет водить... было бы жаль, и она с привычной пронизательностью вглядывалась в мать.

Вася. Фото Юрия (Георгия) Медведева

Для малышей всё зависит от старших – сколько таких перспективных мальчиков было потеряно: родители работают, бабушки охотно водят в танцевальный кружок девочек, а мальчишек обычно надо уговаривать, бабушки же не очень стараются. У них свои приоритеты: всех накормить, обойти ближайшие магазины, узнать, куда завезли какие продукты, постоять в очереди, и не в одной, приготовить обед и ужин. И постирать надо, и прокипятить с синькой постельное бельё, и развесить его, и перегладить всё, а в воскресенье напечь пирогов. Для них два часа, потраченные на дорогу и ожидание ребёнка с занятий в кружке, кажутся потерянными впустую, даже если взять с собой вязание или книжку.

– Да-да, сама! – заторопилась Липа. – Я не работаю...

Педагог приподняла бровь – с лёгким презрением, или показалось? Липа считала, что не работать стыдно, неправильно, и ей постоянно мерещилось, что окружающие дают ей понять...

– Временно, конечно: муж военный, мы постоянно переезжали, – оправдывалась она. Скорее перед самой собой, чем перед этой чужой, едва знакомой ей женщиной. Которой, тем не менее, ей хотелось понравиться: сейчас от неё зависит судьба её сына, и она похвалила её мальчика, и значит, это прекрасная женщина, и пусть она полюбит и меня, Липу. – И пока я работаю мамой, это мой младший... вообще-то я Герценовский закончила.

«И очень хочу работать! – хотелось сказать ей. – Но муж хочет, чтобы я была просто женой и мамой, хранительницей очага... классика. Но когда-нибудь я...»

– Занятия пропускать нельзя, за пропуски я отчисляю. Тем более вы пришли среди учебного года, мальчику нужно будет догнать всех, – кажется, педагог признала в ней равную, а не ничемную домохозяйку.

– Я буду водить Васю, непременно! – и тоже непременно, обязательно буду работать, хоть в сорок или пятьдесят лет, но буду! – Он мечтает танцевать, он догонит! А я очень люблю балет и понимаю, какой это труд... мы не будем пропускать!

В тот день (или был уже вечер? зимой в Ленинграде не поймёшь!) они с Мамой возвращались домой очень гордые своей победой: «Приняли!».

Какое радостное, какое замечательное слово: меня приняли, приняли!

«Вы всё равно меня примете! Я всё равно поступлю!» – отчаянно воскликнет он через несколько лет после первой (впервые в жизни неудачной!) попытки поступить в Вагановское, удивив педагогов недетским взглядом тёмных сердитых глаз.

В четыре года удача казалась естественной: он же молодец, он отлично танцует, он живой и эмоцио... трудное слово, но было понятно, что тётя его хвалила; его все хвалили и любили, и всё у него хорошо!

Идти было далеко – весной, без тяжёлой шубки, стало казаться, что совсем близко, и по пути в Дом культуры, перед кинотеатром «Великан», обнаружился чудесный большой фонтан с гранитным бортиком. И было очень весело залезать на этот бортик (как будто небольшая сцена!) и петь. Танцевать – это ещё не всё, на бортике хорошо не станцуешь, но он и поёт отлично, прямо как в кино! Кино его завораживало (через несколько десятилетий критики будут отмечать «кинематографичность» его балетов), части фильмов хотелось сейчас же перенести в жизнь, и он останавливал Маму, залезал на бортик и пел. С огромной афиши смотрели на него невозможно красивые Ихтиандр и Гуттиере, коварно прищурился злодей Козакова, а песенку оттуда он сразу запомнил наизусть:

Нам бы, нам бы, нам бы
Всем на дно!
Там бы, там бы, там бы
Пить вино!

Он точно улавливал ритм, не фальшивил, был серьёзен и увлечён.

Прохожие останавливались, улыбались, хлопали. Может быть, это были первые в его жизни аплодисменты? Не считая Маминых, получаемых с первых дней, оставшихся в памяти?

Смешной маленький мальчик, звонко поющий на бортике фонтана: это было очень в духе того жизнерадостного времени, и люди с удовольствием аплодировали, артист растёт, говорили они Маме.

Солист, мысленно поправляла их Липа, это не просто артист, ему мало быть, как все, он рвётся выше и дальше... вырывает ручку, влезает на бортик, делает, что хочет. Обожает быть в центре внимания, старается, любит успех.

Пусть, это правильно, отпусти его, говорил ей голос рассудка; будь всегда рядом, не отходи, не своди с него глаз, твердил старый, затаившийся материнский страх.

Не удержать – вон он, её Василёк, играет во дворе, собрал вокруг себя хоровод мальчишек и девчонок, и распоряжается ими, и хоровод превращается в ручеёк, распадается на казаков и разбойников, и он сердится, когда кто-то осмеливается... нет, все подчинялись, охотно включались в его игру, иногда просто кто-то мог не понять, как это: морская фигура – замри! Вот так, смотри, это же легко – это морской дьявол, а это моряк, повторяй за мной!

Всё-всё даётся нам с самого детства – главное не упустить, услышать, разглядеть. Слушать весь мир, но слушаться только самого себя... ну, иногда немножко Маму.

И учителей. Которые выбирают тебя – и которых ты выбираешь сам.

Потом была школа с французским уклоном, а из кружка в Доме культуры он перешёл в ансамбль танца Дворца пионеров имени Жданова.

Дворец пионеров показался ему настоящим сказочным дворцом со своей правящей бал Королевой.

Сказки тогда делились на девчочковые и мальчишковые.

Мальчиковых было меньше, девчковые были волшебнее, и хотелось представлять себя не только принцем, но и Золушкой, и Феей, и даже сказочником – да-да, самое интересное быть сказочником! Не стойким оловянным солдатиком, не стройной балериной, а тем, кто сочинит для них встречу, любовь и непременно счастливый конец. Можно даже без слов, просто под музыку, словами же всего не скажешь, и оловянный солдатик без слов смотрел на молчаливую, недоступную и прекрасную танцовщицу... что-то такое было во всём этом, чего он пока не понимал.

Мечты тоже делились на те, что для девочек, и те, что для мальчиков.

Мальчикам полагалось хотеть стать космонавтом, геологом, лётчиком, строителем коммунизма – или врачом и военным, защитником Родины, как отец. Девочкам можно было потихоньку мечтать стать принцессой, красавицей или актрисой, но правильные девочки всё-таки хотели быть учительницами или лётчицами.

Все должны были вырасти в героев труда, ударников, победителей соцсоревнования; заниматься спортом, гордиться достижениями советской страны, с энтузиазмом петь весёлые песни... звонкие жизнерадостные шестидесятые диктовали свой бодрый стиль, послевоенные трудности позади, а впереди космос, комсомольские стройки и вечные «Мир! Труд! Май!» на красных флагах. Красный галстук наглажен Мамой, учиться надо на «хорошо» и «отлично», в школе даже математика на французском – вот какое аристократическое образование у советского пионера Васи, и как бы так совместить свои мечты о сказках со всеобщим заразительным строительством коммунизма?

Героем стать хотелось – главным героем какой-нибудь сказки.

Отголоски шестидесятых навсегда остались в памяти – обрывками случайно услышанных родительских разговоров.

– Липа, если ты сама мечтала о театре и сцене, это не значит, что сын должен осуществлять твою мечту! Что это за профессия для мужчины?!

– Ты думаешь, балет и театр только для женщин? Но это же смешно, с кем же им танцевать?! И, между прочим, на хореографии муштра, как в армии или спорте, ничуть не легче, а Вася всё мужественно переносит, ни разу не пожаловался! И ему нравится танцевать, у него получается, ты же сам видел на концерте...

– Видел. Но мало ли что у кого получается, это вовсе не значит, что этому стоит посвящать столько времени! В конце концов, танцевать умеют все, даже я умею... помнишь наш вальс, Липочка?... ну да... о чём я? Ты, например, прекрасно пела на самодеятельных концертах, а если бы ты была артисткой, как бы ты могла растить детей? Вечно на гастролях, до ночи в театре...

– Ты сам себе противоречишь: да, женщине трудно совместить семью и профессию, но мужчина-то может себе позволить выбирать! И может выбрать театр, и если у него талант...

– У всех какие-то таланты, но это, повторяю, не означает, что человек, особенно мужчина, может всю жизнь...

– Миша, речь пока не о всей жизни, ему всего восемь, и ему нравится танцевать, и пусть! Я сделаю всё, что могу, чтобы он смог делать то, что хочет. Все педагоги его хвалят, и завтра мы идём на просмотр во Дворец пионеров.

Через несколько лет она скажет то же самое, но уже о поступлении в хореографическое училище. Их диалоги и споры повторялись из года в год, и Мама всегда была на его стороне, называла имена знаменитых танцовщиков, приводила примеры: среди них были и Герои труда, и Народные артисты, и великий Мариус Петипа.

...Через много лет, в далёком 2017-м году, незадолго до двухсотлетия Петипа, Василий организует и возглавит Фонд наследия великого хореографа. «Разве правильно, что в нашем городе нет ни одного памятника, ни одной улицы, названной именем Петипа, как же так?» –

будет повторять он... может быть, всё это когда-нибудь и будет? Забвение великих мастеров – не самое лучшее, что может случиться с городами и странами...

– При чём тут Петипа?! Лучше бы ему больше времени уделять математике, а не танцам. Чтобы в серьёзный вуз поступить. Кстати, в том же Дворце есть и другие кружки: техника, моделирование...

– Но он же всё успевает, он и в школе хорошо учится!

Это было правдой: Вася специально старался, чтобы папа был доволен, а Мама рада, да и просто он всё делал хорошо и тщательно, характер такой.

– Тем более! Ладно бы был двоечником, тогда пусть бы плясал, если ни на что другое ума не хватает! Нет, я с ним поговорю. В конце концов, я отец!

– Ты хочешь, чтобы он послушался тебя и бросил балет? Или проявил характер и сделал по-своему? Как настоящий мужчина?

В училище его тогда не приняли – показалось или нет, что отец был рад?

...Как же интересно, как загадочно проявляются в нашей жизни эти неразрывные связи – отцы и дети! Не повторяя путь отца, не желая идти по его стопам, с самого детства зная, чего он хочет, выросший мальчик всё-таки в чём-то повторил его: та же вечная бездомность, скитание по всему миру, работа в тех же странах, где приходилось служить отцу. Там, куда забрасывал отца долг службы – в Австрии, в Чехословакии, в Венгрии, – где Мама пела на импровизированных подмостках, выступала перед солдатами, там же, на профессиональных сценах этих стран он танцевал и ставил свои балеты... всё повторяется, всё наследуется, хотя и не так просто и прямолинейно, как хотелось бы молодым родителям упрямых и талантливых детей.

Желающих попасть в сказку.

В каждой сказке должен быть дворец.

Сегодня Дворец (настоящий, Аничков, ещё царский, хотя и со словом «пионеров») ждал его, восьмилетнего принца: Мама записала его на просмотр в Ансамбль. Поступить туда советовали в Доме культуры: Ансамбль танца был мечтой многих школьников Ленинграда, там вели занятия педагоги высочайшего класса, бывшие звёзды Кировского театра, оттуда была прямая дорога в Хореографическое училище имени Вагановой. Все посвящённые прекрасно знали обо всех ступеньках этой карьерной лестницы: так всё было устроено во времена императорских театров, традиции соблюдались строго и не слишком подчинялись веяниям времени. К счастью, Советская власть любила балет так же, как любая королевская и прочая власть, и не мешала существованию этого параллельного мира со своими порядками, ритуалами и иерархией.

Дворец был большим, конкурс в хореографический коллектив огромным, отбор жёстким и жестоким: никакого «блата», только растяжка, выворотность, слух, пластика, внешние данные. Хореографическим коллективом руководили – Мама выговаривала их имена с почтительным придыханием, чтобы сын понимал всю важность предстоящего шага! – «сам» Геннадий Кореньевский¹ и «сама» Нонна Ястребова².

Живая легенда, заслуженная артистка РСФСР, лицо которой после главной роли в кино знала вся страна, бывшая звезда Мариинки... нет-нет, бывших балерин не бывает, они вечны, как звёзды! Если ты была настоящей принцессой, ты можешь стать королевой, а потом составить и передать трон другим и при этом сохранить всё своё королевское достоинство.

Так было и с прекрасной Нонной.

Строгая, всегда элегантно и безупречно одетая, окутанная облаком дорогих, явно заграничных духов, наводящая страх на учеников и учениц, требовательная, но справедливая – она царила и на этой сцене, и в этой, преподавательской роли. Разрешала все спорные ситуации и конфликты, вникала в мелочи, старалась помочь... она сидела за столом в приёмной комиссии, смотрела сурово, набивала ватой (почему?) странную папиросу.

Кто бы мог подумать, что она, казавшаяся восьмилетнему Васе почти богиней и очень старой и важной, будет дружить с ним много лет, до самой своей кончины? Войдёт в его жизнь не только как педагог, но и как старший друг?

– Нонна Борисовна, здравствуйте, это...

– Вася, дорогой, рада тебя слышать! Ты в Петербурге? – абсолютный слух, потрясающая память: узнавала голос по телефону сразу, хотя учеников у неё было немало – или остальные не так часто звонили?

Нонна Ястребова, Кировский (Мариинский) театр (фото из архива Василия Медведева)

Они годами созванивались и обсуждали его новые балеты, она непременно смотрела их на видео, давала советы, хвалила, делала замечания... не бывает бывших балерин, балет – это навсегда!

...потом, уже в двадцать первом веке, Василий навещал её, всё ещё красивую старую королеву, в её большой квартире на Невском проспекте.

Она по-прежнему курила, всегда была «в форме»: никогда не показывалась, если болела или считала, что плохо выглядит; тщательно и продуманно одевалась, пахла дорогими духами. Королева вовсе не была белоручкой: каждый раз старалась сначала повкуснее накормить его (обязательно, не спорь, иди за стол! не забыть ленинградцам блокаду, никогда не забыть!), а потом внимательно и долго слушала рассказы о замыслах и постановках.

Так у них повелось: она приходила на его выступления, на выпускной в Вагановское, приезжала в Эстонию, где он танцевал; искренне радовалась и гордилась, когда он поставил спектакль в Большом театре. Он пригласил её на международный фестиваль DANCE OPEN: нет ничего важнее преемственности, молодёжь должна видеть и успеть услышать легендарных мастеров. И Ястребова давала мастер-классы, рассказывала о своей работе в Кировском, была в жюри балетного конкурса. Наверное, она тоже была благодарна ему, своему вечному (не бывшему!) ученику: забвение, увы, не редкий удел состарившихся балерин и актрис.

Во Дворце учили не просто танцу, тамошние педагоги были не только профессионалами и мастерами своего дела, они были носителями истинной культуры, интеллигентами в полном смысле этого слова, образцами для подражания и воспитателями – ума и чувств.

Именно она, Нонна Ястребова, посоветовала ему поступить в ЛАХУ – Ленинградское Академическое Хореографическое училище имени Вагановой, святое место для любого, кто хоть что-то смыслит в балете.

Ему шёл уже одиннадцатый год – и позади было столько всего!

Первая поездка на гастроли по Волге (Мама провожала его, тревожилась и безумно гордилась!), потом по другим городам, даже в Москву; сольные номера, репетиции, новогодние ёлки, выступления в лучшем зале города – Большом Концертном зале «Октябрьский»... к одиннадцати годам те, кто занимается профессиональным спортом, музыкой или балетом, проживают уже целую жизнь.

Какие детство и отрочество? У нас их нет – у нас сразу, без предисловий, «В людях» и «Мои университеты», никаких игр и детских забав, нам не до этого! Далеко позади дошкольные хороводы, которыми он руководил во дворе своего ленинградского дома недалеко от Таврического сада: товарищи тех игр продолжали гулять и играть, а он лишь весело кивал им, пробегая мимо. Ведь нужно было успевать и в школе! И читать, и смотреть кино! Ходить в театры на все новые спектакли. Придумывать (самому для себя) интересные вариации, пробовать их... потом они переехали на новую, большую квартиру на улицу Восстания, и в этом дворе он уже никогда не играл.

В тот раз они снова выступали в «Октябрьском».

Четырёхтысячный зал всегда был полон, аншлаг Ансамблю песни и танца Дворца пионеров имени Жданова был обеспечен, причём не за счёт восхищённых родителей и родственников – нет, тем редко удавалось раздобыть билет или контрамарку, смотрели выступление из-за кулис или стоя в темноте коридора, вместе с билетёршами... Мама обязательно там стояла, каждый раз подмечала все нюансы, чувствовала, когда он в хорошей форме, а когда слишком устал, радовалась очередному успеху и каждому его личному «Я сумел» и «У меня получилось!».

В Доме культуры

Нонна Борисовна тоже всегда была с ними, придирчиво и неотрывно смотрела каждое выступление – на том концерте он танцевал новый, специально для него поставленный номер под названием «Игрушки».

Специально для него! Это звучало так... надо прожить всю жизнь в балете, чтобы понять весь смысл, всю важность этих слов: «номер, поставленный специально для...». Ах, сколько он их потом поставит – к радости замеченных им молодых дарований и тех, кого могли годами обходить своим вниманием другие хореографы. Он пристально вглядывался во все труппы мира, ставил танцы, исходя из данных каждого танцора, помогал раскрыть его личные воз-

можности, выгодно оттенить его талант. Он же прошёл прекрасную школу – Школу с большой буквы, в том числе и школу Дворца.

Он делал успехи, его всегда ставили в первый ряд, выделяли, давали танцевать всё, что он хотел, в том числе и солировать, но танец, поставленный специально для десятилетнего ученика, это нечто особенное. Номер придумала и поставила его педагог Нина Николаевна Базыкина, и сегодня ему предстояло его исполнить... между прочим, он никогда не думал: наверное, другие ученики ему немножко завидовали? В «Игрушках», кроме него, были заняты ещё двое, девочка и мальчик, но их могли и заменить, и все понимали, что это «его» танец, и его роль не исполнить никому.

Он знал, что станцевал хорошо. Так, как хотел: столько раз репетировал, оттачивал каждое движение, да и настроение было отличным, как будто какой-то подъём – мой собственный, особенный номер... поклон, аплодисменты, всё заслуженно.

– Молодец! – Нонна Борисовна была за кулисами, её похвала стоила дороже аплодисментов зала. – Зайди завтра ко мне... и вы тоже, – кивнула она подошедшей откуда-то Маме.

И уже опять смотрела на сцену, как будто забыв и о нём, и о своих словах.

Но она о них помнила.

– У мальчика большие способности и перспективы и, может быть, большое будущее, – начала она, глядя на Маму и обращаясь к ней, а не к нему. – Вы не думали о поступлении в Вагановское?

Конечно, его-то не надо уговаривать, а вот родители... не все родители хотят, чтобы их сыновья (особенно сыновья!), даже хорошо, отлично танцующие, навсегда связывали свою судьбу с балетом. Танцы – это чудесно, мило, задорно, но это годится для детей и подростков: чтобы были при деле, чтобы не затянула «улица», а потом надо взрослеть, выбирать серьёзную, настоящую профессию, заниматься математикой и физикой, поступать в университет или институт... иногда можно и потанцевать, везде же есть художественная самодеятельность.

Танец. Дом культуры «Красный октябрь»

Дворец пионеров, танец «Игрушки», 1967 г.

– Вагановское? – радостно ахнув, подхватила Мама. – Вы думаете, это возможно?..

– Всё будет зависеть от Васи, но я советовала бы ему попробовать. Скоро набор на следующий учебный год, а он как раз заканчивает четвёртый класс. Но вы понимаете, что тогда ему надо будет оставить обычную школу?

– Да... я понимаю, – Липа понимала совсем другое: ей предстоит выдержать очередную домашнюю битву, и, может быть, не одну. Выпрямить спину, ощутить себя не милой любимой «Липочкой», а гордой «Олимпиадой» и настоять на своём.

Потом они ехали домой и говорили, говорили: это снова было их маленькой (нет, настоящей, большой!) победой, сама Ястребова советует... Вагановское – это же мечта! А что скажет папа? Они оба знали, что он скажет, и были готовы к спорам и ссорам. Впереди был пятый класс французской школы, важный учебный год, когда прибавится много новых предметов, и папа, разумеется, не одобрит перехода в училище... в Вагановское – так приятно было снова и снова повторять это манящее название.

Липа в который раз вспоминала «Историю одной девочки»: толстая жёлтая книжка, изданная «Детгизом», о детстве Галины Улановой, ею тогда зачитывались все девочки, Липа брала её в библиотеке (купить было невозможно, тираж 59-го года разошёлся весь, когда она ещё не вернулась в Ленинград), пересказывала маленькому Васе... то самое легендарное Вагановское! Для папы, увы, Галина Уланова не аргумент и не героиня – так, нечто красивое и особенное, но это всё далёкая, театральная, не наша жизнь! Конечно, далёкая – это же сказка, но в неё можно попасть, и я попаду, мам! Даже в песне поют, что можно сказку сделать былью, правильно?

Его не приняли.

Неудача, провал, удар, которого он никак не ожидал.

Училище находилось на одной из самых красивых улиц Ленинграда – улице Зодчего Росси. Это тоже был Дворец – больше и значительней Аничкова; колонны, коридоры, фойе – всё здесь было огромным, старинным, классическим, это был Храм... да, советский пионер, никогда не задумывавшийся ни о каком Боге (только мифы Древней Греции да неясные рассказы Бабушки!), не привычный к посещению церкви, испытывал перед этим зданием те же чувства, что верующий около настоящего Храма.

Приёмные экзамены в училище проходили в несколько туров: проверяли музыкальность, чувство ритма, растяжку, прыгучесть, выворотность – всё это казалось уже знакомым и не

пугало. Перед этим нужно было пройти комиссию, на которой придирчиво оценивались физические данные будущих балерин и танцовщиков.

Вася вместе с несколькими незнакомыми мальчиками привычно разделся до трусиков, выпрямил и без того прямую спину, встал как можно ровнее. Явно лучше других, вошедших с ним мальчишек: они не знали правил балетного мира, смущались, раздевались медленно и неловко. За столом в приёмной комиссии сидели три или четыре человека – не запомнилось, мужчины или женщины, и вызывали по фамилии, по одному.

Надо было выйти из ряда и встать перед ними.

Осмотр длился меньше минуты. Его не просили ни подпрыгнуть, ни станцевать, даже на его растяжку никто, казалось, не обратил внимания. Две недовольные тётеньки быстро ощупали его руки и ноги, переглянулись и слегка презрительно поджали губы: «Пухленький... щёчки какие! не годится... можешь идти, мальчик!».

Как же так?! Ведь я так хорошо танцую! Меня похвалила сама Нонна Ястребова, для меня поставили специальный танец... как же музыкальность, танцевальность, выразительность?! Неужели это всё неважно, и при чём здесь какие-то щёки?!

Неужели он толще этих неуклюжих мальчишек, которые прошли во второй тур?! Не может быть, он же стройный, никто и никогда не говорил ему, что... Бабушка с любовью трепала по щеке... как же он сейчас ненавидел эти щёки, эти толстые («пухленькие?») руки, всё своё неправильное, не подходящее для балета тело! Нет, этого не может быть, я-то знаю, что моё тело может танцевать, что оно гибкое и стройное, что оно уже многое умеет...

– Я всё равно поступлю! – закричал он. – Вы всё равно меня примете!

Мама рассказывала (сам он плохо помнил дальнейшее), что он бился в истерике, плакал, она прижимала его к груди, как маленького, как давно уже не... и пыталась успокоить, уговорить. Да-да, в следующем году обязательно!

Она сама чуть не плакала, но была взрослой и понимала, что это не конец света. Ты поступишь, говорила она, не всё получается с первого раза, Васенька, это просто недоразумение, временная неудача, они не разглядели тебя, они ошиблись, а ты у меня молодец... ну не плачь, мой хороший! Вспомни Галину Уланову, сколько трудностей она пережила... но она почти жила здесь, в Вагановском, мама, а меня не приняли! Как ты можешь сравнивать?!

Его горе было глубоким и острым – а рядом с ними так же горько рыдал другой мальчишка: его приняли, а он так не хотел сюда идти! Его насильно привела мама, хотевшая сделать из сына звезду... интересно, что с ним потом стало? Остался ли он в училище, бросил ли его через год, пополнил ли ряды какого-нибудь провинциального кордебалета? Или смог полюбить балет – и благодарен властной маме и случайному везению? Тогда, конечно, Васе было не до этих размышлений, острая зависть к принятому мальчишке забылась не сразу, он долго не мог опомниться и прийти в себя.

– Может, оно и к лучшему, – коротко сказал папа.

«Я всё равно поступлю!» – упрямо и мрачно думал он.

Во Дворце пионеров его встретили обычные шуточки Корневского: он был известным весельчаком, шутником и насмешником, «душой коллектива», все обожали его подчас грубоватые шутки и «подколки»... кроме, конечно, тех, над кем он подшучивал.

Ястребова утешала его, как могла.

Надо уметь проигрывать, это не конец света, надо пытаться снова и снова, ты способный, ты сильный, ты непременно поступишь на следующий год – всем известные правильные слова, прописные истины, в которые так сложно поверить в момент неудач.

Когда кажется, что рушится весь твой мир, а до следующего года – как до Луны!

Но следующий год (как и все остальные года) наступил ровно по календарю; Вася, к ужасу переживших блокаду Бабушки и Мамы, похудел почти до прозрачности, закончил пятый класс французской школы – и на этот раз поступил легко и уверенно.

Как будто вошёл в родную, гостеприимно распахнутую перед ним дверь.

Вася

Мама и Вася – на гастроли!

А память сохранила не этот, успешно выдержанный экзамен, а то первое детское горе, ту казавшуюся роковой неудачную попытку, которая, к счастью, не смогла выбить его из колеи, а лишь закалила и без того упорный и сильный характер.

В балете, как и в жизни, успех – это лишь количество предпринятых попыток.

Можно и вообще никому не рассказывать о неудачных.

И никто бы никогда не узнал, что один из самых востребованных хореографов мира не сразу поступил в Вагановское училище, что он горько рыдал в фойе, проклиная свои якобы пухлые детские щёки.

Но это было – и пусть останется и на этих страницах.

...Через шесть лет, когда он блестяще станирует на выпускном чудесное па-де-де из старинного балета «Талисман», «тётенька» из комиссии подойдёт к нему с поздравлениями и извинениями.

«Я была не права, – скажет она, – что не приняла тебя сразу. Но я тебя запомнила. Молодец, что пришёл второй раз!»

Но до этого ещё предстояло дожить.

Храни меня, мой талисман...

Танцует Василий Медведев. Выпускной вечер Вагановского училища, Кировский (Мариинский) театр, 1976

Действие первое. Экзерсис

Картина вторая. Святая святых

Ленинградское!
Академическое!
Хореографическое!
Училище (выдох, лёгкая пауза)...

Имени!
Агриппины!
Яковлевны!

Вагановой! – каждое слово из этого выученного наизусть названия хотелось произносить отдельно, чётко, с самой большой буквы, по слогам, важно и гордо, с восклицательными знаками.

Не каждому дано не только входить сюда, но даже выговаривать эти длинные, казавшиеся особенными слова. Теперь он имел на это полное право, он был не посторонним, это было его – его родное, его собственное! как дом, как семья! – самое лучшее в мире (это правда, а не детское выражение!) Училище.

Колыбель танца.
Святая святых балета.

– Здравствуйте, ребята! В эфире «Пионерская зорька»! – больше он никогда не слышал этих утренних позывных: ежедневная радиопередача начиналась без двадцати восемь, а он в это время уже садился в трамвай номер пять.

Занятия начинались в восемь тридцать, но ведь надо было доехать, успеть переодеться. Это навсегда осталось в памяти: ранним утром он спешит на трамвайную остановку – особенно помнятся тёмные ленинградские зимы, мороз подчас до двадцати градусов, но это не было причиной пропустить хотя бы один день занятий, не встать вовремя... норма для дисциплинированных детей спорта и балета.

Наверное, кто-то бы сказал, что это потерянное детство. Да, такие дети выросли рано, моментально становились самостоятельными, не интересовались ерундой вроде игрушек и детских шалостей – потом они ни о чём не жалели. То якобы потерянное детство равняется ещё одной, почти взрослой, очень интересной и насыщенной жизни.

Начиналось с муштры: ранним тёмным утром замёрзшие мальчики стоят у станка лицом к серой стенке, их заставляют снова и снова (по много-много раз, не сосчитать!) делать одни и те же движения... ему казалось, что он был к этому готов.

Оказалось, что Вагановское – вовсе не то же самое, что Дворец пионеров.

Это уже не самодеятельность, где всё-таки на первом месте были танцы, где их иногда хвалили не за результат, а за попытку его достичь, где требования к танцорам были на порядок ниже: это же просто дети, юные пионеры, сегодня они пляшут, а завтра сдают ГТО, поют, маршируют или играют в «Зарницу», мы просто растим всесторонне развитого строителя коммунизма, танцы – это для радости.

Да, там тоже были занятия у станка, была дисциплина, был профессиональный подход педагогов, но здесь... казалось, что всё началось с самого начала, причём на каком-то новом, более суровом витке.

Он думал, что умеет тянуть подъём. Что у него хорошее grandplié, что он тысячи раз делал батманы тандю... нет, всё не так, надо ещё лучше, ещё точнее.

Выше, шире, ниже! Чётче, круглее, жёстче!

Руки, плечо, колено! Препарасьон!

Команды следовали за командами, замечания сыпались, похвалы не дождёшься, и мальчики повторяли и повторяли эти, казавшиеся уже почти бессмысленными, отдельные, вырванные из живой плоти танца, мёртвые движения. Которые как будто превратились в самоцель... когда же мы будем танцевать, когда?! Скорее бы... но зимы в Ленинграде тёмные и длинные, до белых ночей далеко.

Он поступил в экспериментальный класс: обычно в Вагановском училились восемь лет, а им предстояло пройти ту же программу всего за шесть. Может быть, поэтому муштра, и так необходимая в балете, была в их случае ещё более жестокой? Пятилетка в три года – вся страна спешила жить и ставила рекорды, и в области балета тоже решили попробовать? Искусство балета не очень-то жалует эксперименты, в нём всегда больше архаистов, чем новаторов, все трепетно жаждут сохранить всё, как было раньше... тогда ещё, при великих; балет консервативно сопротивлялся идеологическим новшествам, принимая в угоду советской власти лишь их формальную сторону, но никакое искусство не выдержало бы без перемен. В конце концов, и великие были новаторами! Вспомните хотя бы Фокина... да и акселерация, изменение условий жизни – детям по силам освоить программу за шесть лет, просто надо больше работать.

Очень просто: «ещё» больше.

У них всё получилось: в последний год обучения их соединили с теми, кто поступил раньше и учился восемь лет, они сумели, превзошли самих себя, доказали, справились. Учились ударными темпами, повторяя и повторяя, занимаясь и занимаясь...

– Ты знаешь – скажет он через много лет, – вот ты просишь меня вспоминать поподробнее... описываешь всё так живо и похоже, и я погружаюсь в те времена и вспоминаю, например, длинные ногти: их одна дама-педагог вонзала в мышцы, если я плохо их напрягал. И я так боялся её ногтей и старался держать мышцы, как мог, изо всех сил! Не надо, наверное, об этом писать? А то получится ад какой-то, издевательство над детьми, сплошные страдания – а я ведь был абсолютно счастлив! Всё это своё так называемое «потерянное детство», все шесть лет в Вагановском, я был счастлив! Об этом и будем писать!

Да, они были счастливы – дети с театральной улицы.

Кинофильм с таким названием снимут об их Училище в семидесятые годы, но никто в СССР его, к сожалению, не увидит.

Счастьем было рано утром приходиться в Вагановское, входить в это здание... да-да, чуть дыша (хотя часто задыхаясь от бега), как в Храм!

Их так воспитывали, и это было правильно! Вокруг были настоящие и прошлые легенды, историей дышал каждый закуток школы... стоило только представить себе, что по этим коридорам и залам ходили великие Павлова, Нижинский, Кшесинская, Фокин и многие-многие другие! А сами педагоги школы, их появление в училище, это надо было видеть: они всегда входили, как на сцену, а удалялись под одним им слышимые аплодисменты... плеяда великих артистов. Страшно представить: танцевавших перед самым императором – живая история.

Дудинская³, Сергеев⁴, Зубковская⁵, Балабина⁶, Тюнтина⁷ – *делай, делай сноски, писатель, не рассчитывай на читателя, сегодня мало кому что-то говорят эти имена, узок круг... этих революционеров, привычно подхватываю я. Только «балетные» помнят, да и то...*

Имена, имена, имена – преподаватель истории балета, сама уже почти легенда, ходячая энциклопедия Мариэтта Харлампиевна Франгопуло⁸ читала лекции обо всём и обо всех.

Ученики заслушивались. Запоминали истории, имена и даты, что-то забывали или пошкольнически пропускали мимо ушей; Франгопуло повторяла и чередовала свои рассказы, казалась сказочницей или – нет! – сказительницей: откуда было в те времена узнать всё то, чему она была свидетелем?

Прошное замалчивалось, вокруг существовало только настоящее: алые знамёна на тускло-сером фоне, и невероятно прекрасное, сияющее (и верилось, что близкое) коммунистическое будущее.

В рассказах Франгопуло прошлое оживало: Императорский балет, хореографические опыты начинающего хореографа Георгия Баланчивадзе (слышали фамилию Баланчин⁹? запомните!), премьера танцсимфонии Фёдора Лопухова¹⁰ «Величие мироздания»... мы его танцевали в двадцать третьем году... ничего себе, моя Мама только родилась, а она уже танцевала! Франгопуло ушла со сцены за десять лет до его рождения – как давно, целая жизнь!

Двенадцатилетним было трудно представить, что эта старая, довольно грузная женщина была такой же лёгкой и тонкой, как девочки из их класса, такой же, как нынешние звёзды Кировского. Как совместить девушку с портрета, написанного самой («как это – кто?! известнейшая художница!») Зинаидой Серебряковой, с нынешней Франгопуло?

С пастельного портрета смотрела прекрасная нежная незнакомка в костюме для балета «Карнавал». На детей насмешливо смотрела немолодая, уверенная в себе дама в очках и вязаной кофте. Преображалась, начиная рассказывать, становилась обаятельной, неотразимой... *у Васи навсегда осталась эта способность искренне любить пожилыми людьми: красавицей казалась ему его давно не юная Мама, красавицами были и оставались все постаревшие балерины, все его педагоги, с которыми он потом долго поддерживал дружбу: не мог и не хотел разрывать эту пуповину, связывающую его с детством и годами ученичества. Счастливое свойство – восхищение старостью...*

Мариэтта Франгопуло не принимала невежества: как, вы не знаете, кто такой Дидло?! Которого упоминает Пушкин в первой главе «Евгения Онегина»?! Сыпались цитаты, даты, факты, а вот и прижизненный портрет Шарля Дидло, смотрите!

Она начала собирать всё, связанное с петербургским балетом, ещё в молодости. Весь никому не нужный хлам, сметённый и сброшенный революцией с корабля истории: пожелтевшие фотографии выпускников Императорского театрального училища, старые пуанты, детали костюмов, афиши, снова чьи-то дореволюционные фото – она хранила, наверняка пряча и немного опасаясь, всё это старьё, и эта коллекция стала основой задуманного ею Музея истории Вагановского училища.

Она просто подарила всё это Училищу – бесценные, а по зарубежным и современным меркам очень дорогие вещи, их бы на Сотбис; она была щедрой и бескорыстной, и прижизненный портрет Дидло и сегодня висит в Музее. Когда-то это была небольшая комната, потом Музей рос, обрстал экспонатами, и Франгопуло была его постоянной хранительницей и смотрительницей.

Мариэтта Харламповна Франгопуло, фото из архива Василия Медведева

Теперь она сама – часть истории, и в Музее рассказывают и о ней.

Тактично умалчивая о том, что из Училища и из музея, созданного ею, её уволили: в интернете можно прочесть, что она руководила музеем до самой своей смерти, но это не так.

Она, некогда не побоявшаяся сохранить дореволюционные фотографии, в шестидесятые-семидесятые годы не боялась поддерживать контакты с зарубежными, мало кому тогда доступными звёздами, говорила о них без трепета (перед властями!)... *позже, когда он уже был в предвыпускном классе, некоторые не без злорадства шептали: «Договорилась!».* Но таких было меньшинство – почти всем было больно и обидно, когда её, саму Франгопуло, специалиста высочайшего класса, живую часть Вагановского, «попросили» уйти. Было по-человечески жаль её: чем ей теперь жить, если она жила всем этим: училищем, балетом, учениками?! Но ещё жальче было оставшихся без неё учеников: потеря таких уроков невосполнима.

Наверное, как-то так и утрачивается связь времён, и беда приходит в датское королевство, и пропадают рукописи, и тонут атлантиды цивилизаций?

Вася дружил с ней: по-ученически, восхищаясь, а ей импонировал интерес этого мальчика к истории, не всем же интересно что-то переписывать в архиве, восстанавливать старинные балеты, а он... маленькая и тоненькая, такая хрупкая, но не распадающаяся цепочка времени. Он навещал её и тогда, когда она попала в опалу и одиноко старела в маленькой однокомнатной квартирке на окраине города, и Франгопуло любила и ценила его визиты. *Не дожидаясь до его поздних, уже зрелых постановок: его собственного «Онегина», его реконструированной «Эсмеральды», его классически безупречного «Корсара». Но он знал: ей бы понравилось.*

В репетиционном зале

...А какой красавицей была Лидия Михайловна Тюнтина!

Сохранился портрет: она в белоснежной блузке, с камеей, в чёрном пиджаке – прямая, строгая, чем-то похожая на Ермолову со знаменитой картины.

Дети её обожали: педагог от Бога! С младших классов она занималась с ними так называемой (о этот вездесущий советский новояз!) «производственной практикой», то есть репетировала и готовила детей для спектаклей Кировского театра. Да-да, они наконец-то танцевали – на настоящей, прославленной сцене!

Вася запомнил свой первый выход на сцену Мариинки – тогда, конечно, Кировского.

Кажется, именно Лидия Михайловна сделала тот вечер незабываемым? Твердила своим маленьким воспитанникам: «Этот Театр... его дух, история, кулисы!», и заставляла их повторять и повторять уже, казалось, отрепетированные движения, и доводила до слёз... что это было – детские номера из «Тропюю грома», «Золушки», «Спящей»? Всё это навсегда с ним: наизусть, в памяти, в снах.

Как он волновался, господи!

Пришла Мама, пришла приглашённая Мамой Нонна Борисовна, и эта атмосфера, и полный зал публики... Мариинский театр – и я... Он помнил свой неудачный выход на школьную сцену – уже здесь, в училище. Его вдруг охватило страшное волнение при исполнении знакомой, хотя и непростой классической вариации, он (стыдно вспомнить!) три раза упал. Кажется, жизнь кончена. Но сам Сергеев остановил показ и спокойно предложил Васе начать всё с начала. В его тоне была поддержка и понимание: с каждым такое было, посмотрим, сумеешь ли перешагнуть через это.

Волнение немного улеглось, он собрался, и вторая попытка оказалась удачной.

И дебют в Мариинке прошёл хорошо, почти незаметно.

Осталась только эта точка, веха, отмеченная Лидией Михайловной (и Мамой!): ты вышел на сцену Мариинского театра!

Детские выступления в настоящих спектаклях постепенно готовили их к будущим сольным партиям, к профессиональному умению владеть собой, не поддаваться этому неизбежному волнению, но пользоваться им: равнодушие в их деле ещё опаснее, вы артисты, а не машины! Вы должны войти в роль... их учили и актёрскому мастерству: балет же не спорт, это искусство – и не только танца, но и перевоплощения. Одной техники мало, это только основа, а главное в балете – это душа. «Душой исполненный полёт»... вы должны жить ролью, жить!

Великолепный педагог по актёрскому мастерству Татьяна Ивановна Шмырова¹¹, бывшая балерина Кировского, ученица самой Вагановой; она получила блестящее образование: театроведение, аспирантура ГИТИСа, обладала талантом драматической актрисы, потрясающей мимикой, могла рассмешить и заставить плакать... при этом была добра, смотрела внимательно, умела тактично похвалить любого. После резких окриков в репетиционных залах, суровых замечаний и острых ногтей она казалась детям доброй феей, и с ней они не комплексовали, раскрывались, были свободны и раскованны, хотя учились-то – лицедейству.

Несколько вечеров в неделю Вася был занят – «занят» в театральном смысле этого слова: танцевал в спектаклях Кировского и Малого театров оперы и балета. А ведь были ещё и школьные спектакли, и ёлки, и выступления в Москве... вот какое детство – вовсе не потерянное! С утра, с ранней пробежки до трамвая номер пять, и до позднего вечера была насыщенная событиями жизнь.

Уроки начинались в восемь тридцать: первыми шли занятия по классическому танцу.

Педагог старших классов Геннадий Селюцкий¹² был молод, ещё танцевал, бежал-торопился после уроков в Кировский театр: самому надо было репетировать.

...Всё повторяется: сейчас он, Василий, ставит «Эсмеральду» в Братиславе – и молодой, ещё танцующий, педагог из балетной консерватории помогает на сцене своим совсем юным ученикам, а потом с волнением следит за ними из-за кулис. И сразу вспоминаются собственные ученические выступления в Кировском: тогда за кулисами всегда стоял Селюцкий и переживал за них, своих мальчиков. И поддерживал, защищал... иногда было от кого! Не забыть ту Народную артистку, которая, к ужасу Васи, обругала их такими грубыми, грязными (как шпана во дворе!) словами – за то, что они как-то не так несли её в роли нежной спящей Авроры... что тебе снится, крейсер «Аврора» – для балетных детей эта песня всегда звучала немножко странно...

От Селюцкого им часто доставалось: он ругался, кричал, в сердцах снимал с ноги и швырял туфли... мог и стулом кинуть! Классика, гоголевская комедия: такие страсти, что увлечённый учитель готов и стулья ломать!

– Экспериментальный класс! – возмущался он. – Недоучки! Пятилетку в три года! Если хотите быстрее пройти материал, значит, работайте больше других!

2012 год, из Сараево в Петербург:

«Дорогой Геннадий Наумович!

От всей души поздравляю Вас с юбилеем. Не будет преувеличением сказать, что Ваш юбилей – это праздник для всех нас, Ваших учеников, которые сегодня, конечно же, вспоминают Вас с благодарностью за полученные уроки. Ваш пример служения искусству балета всегда перед нами, он дает нам силы, вдохновляет на творчество, помогает достичь успеха.

Спасибо Вам – за все пятьдесят пять лет, отданных Мариинскому театру, за то, что растут новые поколения Ваших воспитанников, танцующих на лучших сценах мира, за то, что вы, как истинный Мастер старой школы, остаетесь неизменным и недостижимым образцом для всех нас.

Желаю Вам еще много лет радовать Академию русского балета своими выпускниками, оставаться хранителем традиций нашей классики и тем Учителем с большой буквы, о котором всегда помнят его ученики.

К сожалению, я не могу лично присутствовать на Вашем юбилее – разрешите мне вместо этого преподнести Вам не совсем обычный подарок. Именно в этот день – 29 марта – на сцене Национального театра Сараево состоится премьера моего балета «Дама с камелиями», и этот спектакль я с искренней признательностью посвящаю Вам.

Здоровья Вам, успехов в Вашем нелегком труде, счастья и вдохновения!

С уважением, хореограф Василий Медведев»

Вы пишете кому-нибудь такие письма? Пишут ли их вам?

Есть о чём задуматься...

Весь день в Вагановском шли вперемишку общеобразовательные уроки и занятия по их будущей профессии: музыка, французский, история балета – и при этом русский язык и литература, история СССР, математика и география, химия и физика, всё то, что положено всем детям советской страны. Они были как все – но немножко иные.

Девочки, стайками бегущие по школьному коридору, совсем как обычные советские школьницы, но нет: волосы у всех одинаково забраны наверх, заколоты в тугие высокие пучки, спины идеально прямые, а при встрече с проходящей учительницей – быстрый изящный, какой-то нездешний, дореволюционный реверанс. Традиции. Без них нет балета.

Обычные школьники, выросшие сейчас в пятидесяти-шестидесятилетних взрослых, любят вспоминать, как их много учили и мучили разными предметами, как много они зубрили наизусть, и тут же, не замечая противоречия, могут развспоминаться о походах, гуляньях, романах, ленивых каникулах, побегах в кино с уроков, долгих посиделках на чьих-то кухнях... ах, сколько всего тогда было! А добавьте ко всему этому: к обязательным советским линейкам, собраниям и песням, к юношеской любви и прогулкам по белым ночам, к книгам и фильмам – ещё несколько обязательных наук, ежедневные классы, строжайшую дисциплину, вечернюю работу в театре. И вы поймёте, что отнюдь не балетные дети были героями «Сказки о потерянном времени», они слишком ценили каждую секунду.

Новый телефильм «Семнадцать мгновений весны» казался мучительно затянутым: сколько движений и смыслов можно было бы вместить в эту музыку и это экранное время через балет! Целиком его так и не удалось посмотреть: вечера у телевизора – непозволительная, да и бессмысленная роскошь, даже Мама и та вечно занята и смотрит урывками.

Иногда выпадали свободные часы, иногда им позволяли «прогулять» часть какого-нибудь школьного урока: обычные, не балетные учителя смотрели на это сквозь пальцы. Они всё понимали: если здесь, в стенах Училища, сейчас репетирует звезда, то разве дети усидят на математике? Несколько лет в Кировском театре шёл какой-то затянувшийся ремонт, и многие репетиции проходили в залах Вагановского. Вася с друзьями (у него и здесь уже была группа поддержки!) отпрашивались или не уходили домой, оставляли несделанными домашние задания, бежали в зал – и смотрели, смотрели, смотрели. Барышников¹³, Колпакова¹⁴, Соловьёв¹⁵

– они взлетали, а у юных танцовщиков перехватывало дыхание. Вот бы и мне... хотя бы приблизиться к этой высоте... я смогу, я буду работать.

Темнело рано, в половине шестого начинались репетиции, которые могли заканчиваться и в восемь, и в девять: этого времени тут никто не считал.

Ради секунды на сцене – часы (и годы!) в репетиционном зале.

– Мам, представляешь, Селюцкий попросил меня его заменить! Ему надо было на репетицию, и я давал урок вместо него! – он всегда делился очередной радостью: Мама поймёт, как это важно.

– Вася, ты сегодня хоть что-нибудь ел? – страдальчески и уже привычно спрашивала она.

– Конечно, мам! Ел!

– Что?! Опять ватрушку в буфете и всё?!

Ватрушки в Вагановском были вкусными, горячими – сейчас кажется странным, что балетных детей кормили выпечкой, им же постоянно твердили о контроле за весом, взвешивали после каждых недолгих каникул.

А ещё был артистический буфет Кировского и самый любимый – Малого театра: там воспитанники школы, занятые в спектаклях, могли очень дешёво, за двадцать копеек, взять пирожное и лимонад... так и питались – «кусочничали», «всё всухомятку», ворчала Бабушка. Не самое лучшее питание для растущих подростковых организмов, но чем, в сущности, можно было заменить эти ватрушки, пирожки и пирожные в северном советском городе семидесятых годов прошлого века? Готовили в училище и обычные школьные обеды, ими питались, в основном, те, кто приехал из других городов и жил здесь же, в общежитии Вагановского.

В Васином выпуске было много иностранцев: Чехословакия, Венгрия, Мексика, Финляндия... можно было изучать географию по друзьям. Кармен... волшебное, балетное имя, первая любовь... нет, это не важно, это всё было, но первой и главной его любовью был всё-таки балет.

Кому, например, интересна старинная хореография? Правильно: Мариэтте Франгопуло и таким древним, как она, а двенадцати-тринадцатилетним мальчишкам? Вася расспрашивал педагогов, и они с радостью, что могут повспоминать и поговорить об этом, делились с ним... ах, надо было всё-всё записывать, всё-всё запомнить, но тогда казалось, что они все вечны, что ещё успеется.

Лидия Михайловна Тюньтина обладала феноменальной памятью и наизусть помнила многие старинные балеты, охотно рассказывала и показывала, мечтала когда-нибудь восстановить и показать эти шедевры. Но её, как и многих других, не стало, и те балеты ушли вместе с ними.

Выпускной – Вася, Женя Калинов, Геннадий Селюцкий.

Канули в Лету – в холодную серую реку забвения.

– А давайте поставим, Лидия Михайловна! Пожалуйста! – уговаривал он. – Вы же помните «Талисман», а больше никто не...

– Станцуешь с Танечкой? Давай попробуем.

И она поставила (возобновила-восстановила, спасла-выловила из страшной реки) старинное па-де-де из балета «Талисман».

Специально для него и своей ученицы Татьяны Подкопаевой – они танцевали его на выпускном, и фрагмент этого старинного (теперь уже во всех смыслах слова!) балета попал в фильм «Дети с театральной улицы».

Сейчас, поскольку советские запреты уже не действуют, можно посмотреть на них: юный Василий (с модной, длинной, как у «Биттлз» и прочих общепризнанных красавцев вроде волоцкого Абдулова, стрижкой) и Таня, о которой закадровый голос (Грейс Келли!) говорит по-английски, что она будущая звезда, которой прочат блестящую карьеру. Кадры с выступления сменяются кадрами с генеральной: они оба в чёрных трико, движения отточены, глаза горят... нет, между ними не было любви, что вы, только танец, только балет, мы же пишем о балете!

А сколько всякой удивительной, ценной, будоражащей воображение старины было в ЛАХУ! В классах стояли старинные вещи, в шкафах – на виду у всех и всем доступные – хранились старинные книги, и можно было полистать полное собрание Ежегодников Императорских театров; в нотной библиотеке были старые клавиры, и по ним играли концертмейстеры на уроках классического танца, характерного танца, актёрского мастерства. Ученики видели, что это издания девятнадцатого века, и было так приятно и заманчиво думать, что ими же пользовались тогда, когда здесь учились Анна Павлова, Кшесинская, Фокин... не школа, а музей!

О Васином интересе к старине знали не только его педагоги, но и библиотекари: он увлечённо переписывал в школьной библиотеке старинные клавиры, он успевал бегать и в нот-

ную библиотеку Кировского театра, и в Театральную библиотеку, которая находилась во дворе школы. Охота пуще неволи, и Вася был невольником своей странной любви.

На его счастье, в начале семидесятых всё это хранилось в открытом доступе, а хранители библиотек, люди старой закалки, безоговорочно доверяли мальчишке-подростку архивные рукописи. И не стоит винить их в небрежении своими обязанностями: они знали, что делают, видели этих отроков насквозь, понимали, как никто, дрожь их пальцев, бережно прикасавшихся к старинным страницам, могли оценить огонь их глаз и жаркое «Пожалуйста!». Кому же и доверять это наследие, как не этим юношам бледным со взором горящим? Их же всё меньше, а мы стареем и уходим, да и рукописи... которые, как принято считать, не горят, увы, не вечны.

...Потом, уже в двадцать первом веке, известный и заслуженный хореограф Василий Медведев вместе с не менее известным и именитым коллегой Юрием Бурлака работали над постановкой «Эсмеральды» в Большом театре. Юрий Бурлака был тогда его художественным руководителем и пригласил Васю: им хотелось восстановить оригинальную хореографию Мариуса Петипа, они увлечённо и вдохновенно изучали все первоисточники, какие только могли найти. Вася обратился и в свою альма-матер и дальше – по инстанциям: нет, теперь всё это не у нас, нет, мы не можем выдать вам эту партитуру, нет-нет, мы не выдаём такие документы из архива. Они (вновь юноши бледные со взорами горящими!) написали официальное заявление-просьбу – и получили вежливый официальный отказ. Секреты балета, прежде передававшиеся из поколения в поколение, теперь оказались для них недоступными... как жаль!

Они всё равно поставили свою «Эсмеральду», и был успех; они реконструировали старинную хореографию, восстанавливая её по крупицам... хорошо, что сейчас всё записывается, всё сохраняется в интернете, ничто не пропадает бесследно или в недрах недоступных архивов. И постановки нашего времени будут всегда открыты для всех – было бы желание открывать.

Может быть, эти официальные отказы объяснялись банально и просто?

Как ни неприятно об этом думать, но факты есть факты: в антикварных и букинистических магазинчиках за границей Василию попадались старинные клавиры – в том числе и со штампом его родного Императорского училища. Обвинить в краже некого – разве что так называемые «лихие» девяностые? Можно лишь надеяться, что проданные ценности спасли кого-то от голода и нищеты... впрочем, их смогли сохранить в блокаду.

Тогда-то, в библиотеках его отрочества, в классах Вагановского, в разговорах с Франгопуло и Тюнтиной, началась его новая, настоящая и главная, но пока немного непонятная и тайная жизнь.

Вдруг захотелось не только танцевать и взлетать, как Барышников, но и самому распоряжаться всем этим – поставить свой собственный балет! Это было увлечение – влечение, и оно влекло и влекло его... куда?..

"Жизель". Василий в роли Альберта

С Татьяной Подкопаевой. Выпускной вечер Вагановского училища, Кировский (Мариинский) театр, Ленинград, 1976

Картина третья. Два занавеса

Первым его настоящим занавесом стала обычная занавеска.

Она отделяла большую комнату («гостиную», говорила Мама) от спальни родителей и быстро превратилась в Васину помощницу и сообщницу, стала неотъемлемой частью его театральных затей. Не раз ей приходилось страдать: от слишком резких рывков у неё отрывалось колечко с краю – искусство требовало жертв, и Мама безропотно пришивала колечко на место.

После их крошечной квартирки у Таврического эта, на улице Восстания, казалась огромной. Да и действительно была не маленькой: просторной и не по-советски шикарной. Целых четыре комнаты! Такие ещё долго, до самой кончины Советского Союза, да и после неё, оставались коммуналками, а им (папе, конечно, у него же такая важная работа!) выделили её всю целиком – счастье, казавшееся совершенно обычным и заслуженным. Вскоре появится и дача в престижном Рощино и станет смыслом жизни папы, и все они должны будут отбывать трудовую повинность на той даче... но квартира была прекрасна!

Широкий коридор («Да тут у вас танцевать можно!» – сказал грузчик, вносивший мебель), и высокие потолки, и тяжёлые двери, и большие окна, выходящие в тихий двор, – старый петербургский дом с тёмной таинственной лестницей, ведущей от парадного сначала к их квартире на высоком («цокольном», странное новое слово) этаже, а потом куда-то вверх... Вася был уже не маленьким и немножко обижался, когда Мама предупреждала его не ходить на чердак: что ему, спрашивается, делать на этом чердаке? Юра с друзьями тайно курили где-то там, повыше, и Вася никогда бы не выдал брата, на которого смотрел с детским обожанием, а у него самого было столько дел! Что ему на чердаке... в подвале (всё-таки интересно было иметь небольшие тайны!), например, всегда жили котята, их можно подкормить и погладить, а около двери на чердак окурки и бутылки, фу...

Он был рад, что «его» комнатой стала гостиная – как же иначе? Спальня родителей, комната Бабушки, комната брата: они взрослые, и у них отдельные комнаты, а он пока будет спать здесь, на диване... это временно, говорила Мама, думая, наверное, о скором взрослении и самостоятельной жизни старшего сына. Но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное, и Вася прожил в этой комнате много лет.

Точно так же «временно» появилась в квартире и эта занавеска: дешёвый ситец в полоску и цветочек, выбор Бабушки, надо же было как-то обустраиваться на новом месте, наводить уют, обзаводиться (в который раз в их кочевой жизни) хозяйством. Липа это умела, она быстро обживала любое, самое неприглядное и тесное помещение, оно сразу становилось похожим на Дом и на неё саму... занавеска ей не очень нравилась, но надо было чем-то закрыть широкий проём, ведущий в спальню, да и с Бабушкой спорить не хотелось: есть отрез ткани, и хорошо.

– Занавес открывается, представление начинается! Садитесь и смотрите! – Вася включал музыку и принимался импровизировать.

Мама и Бабушка, его верные зрители, поддерживали и одобряли. Папа и брат не выдерживали, старались под любым предлогом избежать этих занудных (как им казалось) экзерсисов: Вася, отстань со своими танцами, сколько можно одно и то же?! Вася, я устал после работы, меня к телефону...

Бабушка Мария Родионова (Суворова)

Дедушка Василий Родионов

Импровизации сменились более взрослыми, продуманными, заранее подготовленными выступлениями: он не просто демонстрировал то, чему научился во Дворце пионеров, а потом в первых классах Вагановского, — он всегда добавлял что-то своё, что-то новое, чтобы было интереснее. Не всегда же повторять за другими, можно и нужно придумывать, творить, создавать.

Квартира на улице Восстания стала местом его первых хореографических экспериментов. Она манила всех его одноклассников: в выходные родители уезжали на ту самую дачу, старший брат занимался своими взрослыми делами, и можно было собраться здесь всем вместе и чувствовать себя хозяевами — и этой большой комнаты с высокими потолками и занавесом, и всей квартиры, и своих жизнью.

Шумели, смеялись, слушали музыку, говорили обо всём на свете, шутили, и каждый раз возвращались к тому, что на самом деле было их жизнью: к танцу. Показывали, изображали (передразнивали?) педагогов и друг друга, обсуждали свои и чужие достижения и провалы, вскакивали, спорили...

– Ребята, а давайте...

Его слушались: верили в его память и фантазию.

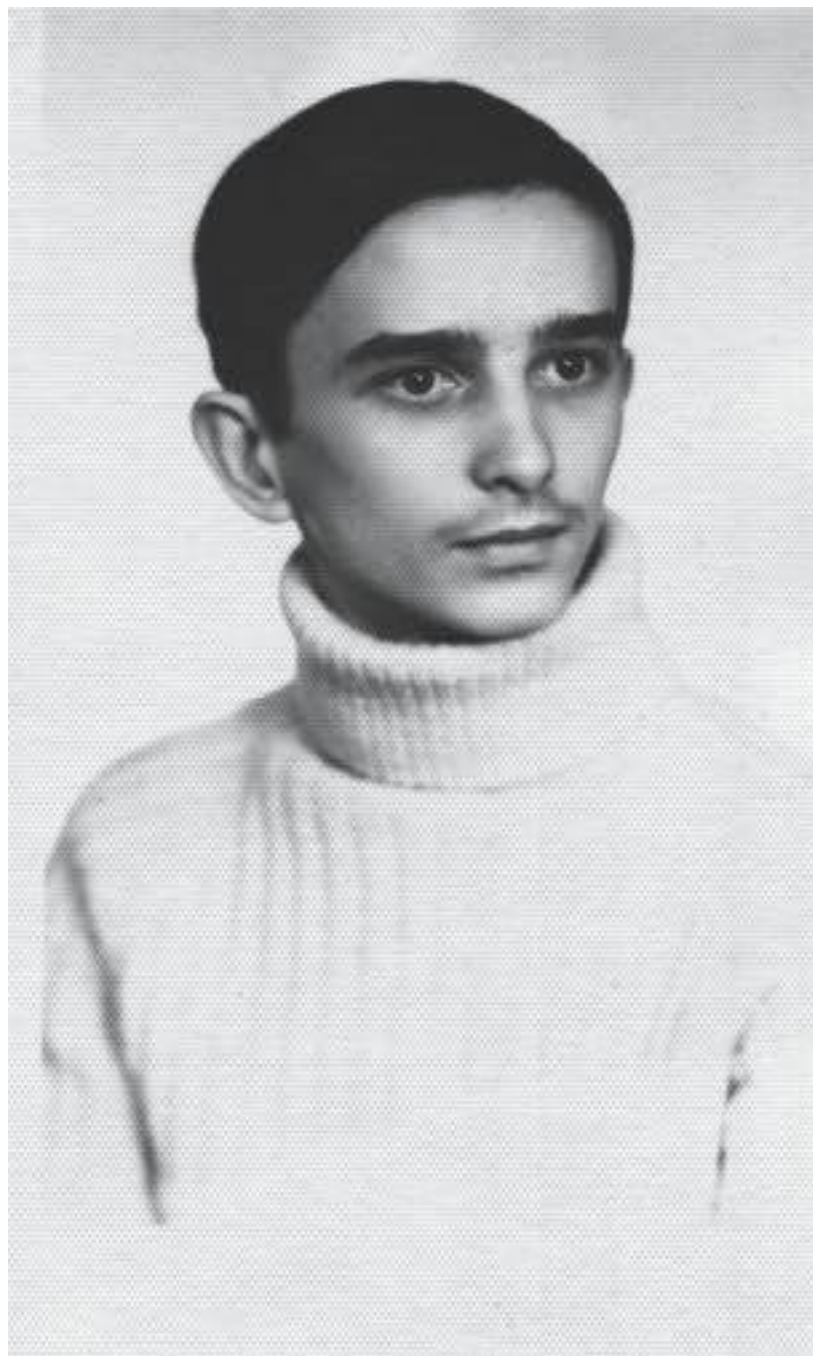
Шумная компания подростков моментально стихала, распределялись роли, выстраивалась мизансцена; он дирижировал ими, припоминая на ходу уже виденное – и (самое главное!) осуществляя то, что пока видел он один. Во сне и в мыслях. Он наскоро придумывал маленькие балеттики – сценки, зарисовки, этюды, в которых его друзья охотно играли отведённые им роли.

Они (странные дети! другие в выходные законно бездельничали!) сами поставили здесь, в этой комнате, «Тщетную предосторожность»... так хотелось кому-нибудь показать – похвастаться, мы смогли, мы молодцы! Было решено пригласить родителей – конечно, только тех учеников, кто был из Ленинграда, но и этой немногочисленной публики им хватило для первого успеха. Маленький, но настоящий праздник. Потом они повторили свой домашний спектакль в школе – это было уже ступенькой на настоящую сцену. Педагоги радовались: это же прекрасно, когда дети сами проявляют инициативу, задумывают постановку, доводят свой замысел до конца... Вася, это ты придумал? Какой ты молодец! Неужели у себя дома?

Домашние просмотры «балетиков» на улице Восстания стали доброй традицией: они готовили их к каждому празднику, сооружали

простенькие декорации, придумывали себе костюмы – родители уже ждали очередного приглашения, гордились своими выдающимися, такими особенными детьми. Все признавали, что этому классу очень повезло: у них есть Вася, и чудесная Олимпиада Васильевна, позволяющая детям устраивать бесконечные репетиции в своей квартире, и сама эта квартира с занавесом...

Это, конечно, была уже не та хлопчатобумажная занавеска.

Василий. 1974 г.

Года через два-три налаженной ленинградской жизни Липа поменяла тот ситец («штапель, Липочка! и вовсе не блёклый, очень миленький! тебе бы всё выбрасывать!») на дефицитный панбархат. Тёмно-красный, тяжёлый, с глубокими тенями в богатых складках – Мама тоже любила театр и переносила из него в свою жизнь всё, что только могла.

И радовалась этим домашним спектаклям, и подыгрывала, если было нужно, на пианино... ах, какой рояль у нас был когда-то, какой рояль! И книги были – старинные, из девятнадцатого века, в дорогих переплётах: всё кануло, пропало, унесено войной и блокадой; в старую, их бывшую петроградскую квартиру вселили каких-то людей... ничего не поделать, та, прошлая жизнь кончилась, будем жить новой. Об этом редко говорили, но Вася знал, что когда-то в Маминой семье всё было по-другому: на фотографиях Бабушка в мехах и украшениях, а Дедушка, которого он никогда не видел, совсем молодой, красивый, в шляпе – и с балалайкой.

– Мам, он был из деревни, да?

– Что ты говоришь, Васенька, почему из деревни?! Из Петер... из нашего Ленинграда, конечно! Образованный, интеллигентный!

– А почему он с балалайкой? На Есенина похож!

– Он был музыкант, Васенька, не профессиональный, но в оркестре играл. В оркестре народных инструментов, – объясняла Мама. – Ты в него такой талантливый и музыкальный! Дедушка был замечательный... очень меня любил! И я...

Липа замолкала, недоговаривала: её отец умер рано, ещё до войны, сгорел от рака, она преданно ухаживала за ним – до самого конца. Хотя было-то ей всего четырнадцать лет. В глубине души Липа так и не простила Бабушке, что та вскоре снова вышла замуж, отчима не признавала и не любила... Вася слышал, что, кажется, у Мама даже была сестра, но ни она, ни отчим не пережили страшной войны. Бабушка никогда не упоминала ни второго мужа, ни вторую дочь. Прошлое в прошлом, а сейчас...

Хорошо, что всё хорошо: пережили войну и блокаду, Липа вернулась в родной город... не рояль, так это пианино, не старинная библиотека, так собрания сочинений по подписке и на макулатуру, не оперная карьера, так хотя бы эти Васиные концерты – и его, любимого младшего сына, блестящее балетное будущее.

Ради него она была готова на всё, ради него раздобыла тёмно-красный, больше подходящий не квартире, а дореволюционной ресторации панбархат; ради него (Вася не знал!) извинялась перед соседями по дому за шумные молодёжные сборища, задабривала всех, как могла.

«Спасибо вам, Олимпиада Васильевна, за такую возможность! Ах, настоящий занавес!» – восклицали нарядные мамы юных артистов.

Мало кто понимал, что большая комната и занавеска (нет, уже портьера!) из панбархата были не главным: нужен был лидер, организатор, придумщик... режиссёр-постановщик, пламенный мотор всех этих затей. Он бы сделал то же самое и в студенческом общежитии, и в коммуналке, и где угодно, просто не мог без этого.

И его признали: педагоги дали разрешение и возможность показывать его «балеттики» (которые теперь, конечно, звались «миниатюрами»), а позже и полноценные балеты – сначала на школьной сцене, а потом и на сценах других – престижных и настоящих.

– Мама, представляешь, мы будем выступать в филармонии! Мой балет... мой! – это было важно: сам-то он уже успел потанцевать почти на всех больших сценах города, но его постановка – это же совсем другое!

Олимпиада гордилась.

Очень, безумно (может быть, боялась она, слишком?) гордилась своим младшим.

По привычке оберегала его от всего и всех, хотя видела и понимала, что её страх за него беспочвен, что он неплохо справляется со всеми трудностями, постоянно преодолевает какие-то то мелкие, то крупные препятствия, уверенно и самостоятельно строит свою жизнь... и, кажется, разумно и правильно строит. Знает, чего хочет... не то, что старший.

Это была её боль, её мучение, которое к тому же следовало как-то скрывать от мужа: чтобы сглаживать углы, избегать конфликтов, утихомиривать их ужасные (подчас громкие и безобразные) ссоры. Как нередко бывает в таких случаях, муж, до этого всячески поощрявший старшего сына, гордившийся первенцем и неосознанно ставивший его на первое место, во всех ошибках Юрия принимался обвинять её – в женском воспитании, в потакании слабостям, в баловстве.

Олимпиада оказалась не между двух, а между нескольких огней, и это было ужасно. Надо было как-то выстоять.

Имелось: авторитарный муж, желающий править в семье единолично, при этом переживший уже не один инфаркт... спорить с ним? Во всём соглашаться?

Собственная мама, Бабушка её сыновей, вечно недовольная зятем, принимающая (то справедливо, то нет) сторону тех, кто выступал против Михаила.

Старший сын Юрий (нет, он переименовал себя в Георгия), очень талантливый – во всём, за что бы ни брался... жаль только, что брался он сразу за многое и ни за что всерьёз, и его компании были вовсе не такими безобидными, как Васины хороводы, там был неприменный алкоголь, Юра часто приходил нетрезвым – прятать его от мужа? Ругать и провоцировать очередную ссору? Подумать только: бросил университет, почти год врал всем, что каждое утро уходит учиться – как такое могло произойти, почему? Что я сделала не так? Муж прав, но... но не выгонять же Юру из дома, куда он пойдёт, надо дать ему шанс всё исправить! Его устроили концертмейстером в ЛАХУ, потом (он нигде подолгу не удерживался) в Эрмитаж – он позволял себе не приходить на работу, и никто не мог долго закрывать на это глаза. Муж возмущался его поведением, отказывался просить за него; Липа и сама понимала, что обращаться к знакомым насчёт его трудоустройства – занятие неблагодарное, даже унижительное: опять сорвётся и подведёт.

Младший сын... он, единственный, не доставлял ей хлопот – только тревоги, но Липа понимала, что это её собственное внутреннее беспокойство, охватившее её с момента его рождения, укоренившееся после той страшной истории с его похищением, и она даже сейчас, когда только могла, выкраивала время, чтобы встретить его поздней ночью у театра, проводить до дома, дожидаться после спектакля. Всё-таки, кто что ни говори, он ещё мальчишка, подросток, умеет танцевать, а не драться, а на улицах, в ленинградских подворотнях и тёмных дворах-колодцах не миновать шпаны... об этом не принято было писать в газетах, тогда не было криминальной хроники, но были разговоры и слухи, да и вообще: времена всегда одинаковые, не бывает абсолютной безопасности, и даже в нашей прекрасной советской стране, в нашем героическом любимом городе всякое может случиться. И это всякое ни в коем случае не должно коснуться её мальчика.

Она тревожилась, что старший брат подаёт дурной пример, она переживала, что Юра насмешливо и снисходительно относится к Васиным «балетикам», она не хотела, чтобы Вася был свидетелем ужасных ссор отца и старшего брата, она просила мать не говорить дурно о муже при младшем... как всё запутано, господи. Но Вася очень впечатлительный, это именно та «тонкая натура», о которой говорят, когда речь идёт о талантах, и ей, как никому, была видна эта его душевная тонкость и обострённая чувствительность.

Она постоянно разрывалась между ними: то муж в больнице, то старший в загуле, то что-то со здоровьем у старенькой Бабушки, то нужно на проклятую дачу, то у младшего вечерний спектакль – иногда он освобождался почти в полночь, некогда спать!

А ведь была ещё (как же она забыла? как всегда, вспомнила последней!) и она сама, Олимпиада. И ей хотелось жить не только жизнью семьи, маневрируя между всеми ними – любимыми, но такими сложными людьми! – ей так хотелось работать, участвовать в какой-то другой, общественной, а не домашней жизни, она ещё молода и полна сил... ну и что, что за сорок? Может, я до ста доживу!

...Она доживёт до девяноста трёх.

Родилась в Петрограде, жила в Ленинграде, умерла в Петербурге – повесть о трёх городах, которые едины в одном, как Бог-Сын, Бог-Отец и Святой Дух. Младший сын до самого конца будет рядом – даже если в это время он где-то на краю земли, ставит новый балет в какой-нибудь далёкой стране. Это было всегда: его неприменные ежедневные звонки, его участие в её повседневной жизни, их дружеская близость. Она была в курсе всех его дел, побед и поражений и, как когда-то ждала его с репетиций, с волнением ждала звонка после каждой премьеры.

– Мама, мой балет покажут в «Октябрьском»!

В том самом Концертном зале, где он когда-то танцевал свои первые, наивные номера. Кем он тогда был, один из многих питомцев Дворца пионеров... Аничкова дворца.

...Потом, через много лет, когда об этом стало уже можно говорить, будет казаться странным: он привык гордиться, что его педагоги танцевали на императорской сцене – перед самим Императором.

А ведь сам он учился танцевать там, где последний император родился и учился ходить... как причудливо тасуется колода.

– Мам, я хочу поставить «Золотую рыбку», знаешь такой балет?

И он, как всегда, принимается увлечённо рассказывать, Липа с удовольствием слушала: боже, какой образованный, какой пытливый, как много знающий мальчик! Ей иногда казалось, что она мать Александра Македонского или... ну, какого-нибудь Цезаря, не меньше. Или гения вроде Пушкина и Моцарта.

«Золотая рыбка», 1976. Репетиция. Солисты – Вася и Татьяна Подкопаева

– Не преувеличивай, мамочка! – он смеялся её восторгам, но в глубине души ему льстило это (пока самое важное для него) признание. – Так слушай про «Золотую рыбку»!

В тот день концертмейстер Людмила Васильевна Свешникова сыграла им незнакомую музыку – неизбитую и симпатичную, как показалось Васе, и после урока он подошёл спросить, откуда она, из какого балета.

– Из «Золотой рыбки» Минкуса, – ответила любознательному юноше концертмейстер. – Не очень известный, полузабытый балет.

На перемене Вася побежал в библиотеку и попросил этот клавиш... как это было просто! Он принёс ноты Свешниковой, она согласилась проиграть всё целиком... да, она играла специально для Васи, а тот слушал, вскакивал, импровизировал, запоминал.

Выбрал на свой вкус музыку, подходящую для большого классического па.

Сделал предложение Тане... нет-нет, никакой любви, ничего такого! – только искусство: он предложил Тане Подкопаевой стать его партнёршей, подобрал кордебалет из девочек средних классов. Его бурная деятельность была замечена, и ему разрешили («Ура, Мам, разрешили мою «Рыбку»! Но я так и знал!») поставить этот большой и серьёзный номер. Он придумал

ещё одну, вставную вариацию для ученицы среднего класса... видимо, получилось хорошо – номер не раз показывали публике на больших сценах.

Их даже снимали на телевидении!

Это было нечто по тем временам: они с Таней ездили в студию, танцевали там перед камерами, Вася давал интервью – невероятное, из ряда вон выходящее событие для скромного ученика. Сохранились странички, аккуратно напечатанные на машинке: «Производственная практика в училище. 1971–1976 годы», и там, среди многих его выходов на сцены Кировского, БКЗ «Октябрьский», Ленинградской филармонии и других театров, есть и запись: «Телевидение. Адажио из балета «Золотая рыбка».

Сохранилась и программка выпускного концерта: под историческими словами «Навстречу XXV съезду КПСС» на пожелтевшей странице написано: «Фрагмент из балета «Золотая рыбка». Постановка ученика 8-го класса Василия Медведева» – его первый официальный опыт хореографа, его гордость и настоящая победа, ранний (не по возрасту) дебют. «Золотая рыбка» стала его личным чудом, его самостоятельно исполненным желанием – без всякого волшебства, без протекции, благодаря лишь таланту, упорству и уверенности в себе.

...Между тем вокруг, как в пушкинской «Золотой рыбке», беспокойно стало синее море: в начале семидесятых в ленинградском балете началось смутное, нехорошее время; собрания, доносы, кадровые перестановки... перемены коснулись и Вагановского, произошла смена руководства.

Вместо уволенной Феи Балабиной художественным руководителем Училища был назначен Константин Сергеев – об этом много говорили, сплетничали, переживали. Для Сергеева это было в каком-то смысле понижением на карьерной лестнице: после руководства Кировским – в ЛАХУ; он впал во временную опалу, но отправить в отставку мастера такого уровня никто не решился... пусть будет рокировка – и власти сыты, и балет цел.

Сергеев отдался Училищу полностью, всей душой, возглавлял его много лет, а для того времени был очень прогрессивным руководителем. Сам хореограф-постановщик, он как никто понимал начинающих, поддерживал их идеи и давал им ставить отдельные номера и целые балеты; он пригласил штатным хореографом нынче знаменитого, а тогда несколько «сомнительного» для генеральной линии партии талантливого Бориса Эйфмана¹⁶.

На Васином выпускном спектакле на сцене Кировского театра был показан одноактный балет Эйфмана «Прерванная песня». Подумать только: на музыку Калныныша¹⁷ – с электрогитарой! Это казалось (да и было) немислимым. Эйфман поставил и балет «Блестящий дивертисмент» на музыку Глинки, и это было тоже блестящим (как в названии!) экспериментом.

Среди таких новаторских балетов были и работы интересного хореографа Сергея Сидорова... и как вовремя подоспели и Васиные попытки самостоятельных постановок!

Следующей его доброй Феей стала Дудинская.

Это имя Вася слышал с детства: Мама обожала Дудинскую и Чабукиани¹⁸, в своё время бегала на все их выступления – может быть, эта любовь передалась ему по наследству?

Для Липы было огромным событием увидеть Дудинскую совсем близко, не на сцене: они с Васей вошли в училище, а следом – Она! При её появлении все родители оживились, зашептались... все расступались, она шла, улыбаясь, как королева подданным: без высокомерия, как равная, с благодарностью. Так она входила в здание училища каждый раз, и это всегда было маленьким, но красивым событием. Для всех тех, кто считал её небожительницей, недоступной и далёкой.

А если вспомнить, как Дудинская и Сергеев входили в зрительный зал Кировского! Они, звёзды, появлялись уже не на сцене, где царили много лет, а среди простых смертных: приходили смотреть выступления своих учеников и свои постановки. И публика (это была интеллигентная ленинградская публика!) вставала, аплодировала им; зрители дарили им букеты, про-

сили автограф – было лестно и удивительно оказаться рядом с ними, с живой легендой этого театра... *Кто что ни говори, а всё-таки балет – это своего рода религия. Со своими богами на Олимпе, своими апостолами и пророками, жертвами и мучениками, приверженцами и паломниками...*

Вася обожал Наталью Михайловну: она напоминала ему Ястребову – та же культура, та же школа, тот же недостижимый и непостижимый уровень. Всегда красива, всегда подтянута, продуманно одета, идеально причёсана, она вела у его одноклассниц занятия по классическому танцу, и Вася был счастлив постоянно сталкиваться и общаться с ней.

Репетировать с Дудинской, разговаривать с ней было одно удовольствие!

Они с Сергеевым, как хорошие педагоги, и раньше поддерживали все Васины начинания, но его «Золотая рыбка», видимо, превзошла их ожидания.

И Наталья Михайловна, работавшая тогда над постановкой «Пахиты» для выпускного спектакля ЛАХУ на сцене Кировского театра, включила женскую вариацию из его, Васиной, «Рыбки» в Гран-па своего балета. Таня Подкопаева несколько раз танцевала в «Пахите» в редакции Дудинской – и сейчас это уже страница истории этого балета.

А тогда это было ошеломляюще.

Это был успех – настоящий, окрыляющий, это совсем не то, что показывать свои миниатюры восхищённым родителям, это не постановка на сцене училища; это – признание учителя, что ученик стал профессионалом.

Равным учителю.

Огромная честь: его работу включили в шедевр самого Петипа!

Вася мог в полной мере оценить этот жест: он же никогда не переставал чувствовать себя всего лишь учеником великих, не слишком много воображал о себе, он был ещё подростком, и признание знаменитых взрослых радовало и немного пугало. Вдруг я так больше не смогу? Вдруг я... кто в балете не знает, как легко оступиться, сорваться, исчезнуть, не добравшись до вершины, упасть, будучи даже в зените славы?

... Через много лет в знак благодарности и в честь столетнего юбилея Дудинской Василий, художественный руководитель фестиваля DANCE OPEN, вместе с Екатериной Галановой (директором фестиваля и ученицей Дудинской) посвятят её памяти большой Гала-концерт звёзд мирового балета.

А квартира великой балерины Дудинской на Невском проспекте будет после её смерти превращена, увы, не в музей, а в точку быстрого питания – очередной фаст-фуд... так проходит слава людская? Жаль, что так быстро...

Старинная «Золотая рыбка» была творческой удачей; с неё начался его труд по восстановлению и сохранению классического наследия, к этому он вернётся ещё не раз – но сейчас хотелось не повторяться, сделать что-нибудь совсем в другом стиле... ах, как он спешил жить, как жадно бросался в море любого своего замысла, как забывал обо всём, кроме новой идеи!

Планка была задана, она была высока, теперь нужно было оправдывать ожидания, делать всё ещё лучше, придумать что-нибудь совсем невероятное.

Такое, чтобы как ни у кого!

И он поставил новый, большой номер для выпускного: соединил вечную для балета «лебединую» тему с современностью, с эстрадой... Мам, будет замечательно, вот увидишь!

Ту песню со слезами на глазах пела вся страна, её узнавали с первых аккордов – и никто при этом не думал ни о каком балете. Ни умирающий лебедь, ни Одетта не приходили никому в голову, а ему, Васе, пришло! О чём же ещё думать под такую простую, но красивую мелодию, которая была очень в духе времени, напоминала не признанную официально, но всем знакомую тему «Love Story»?

«Над землёй летели лебеди

Солнечным днём...» – это в те годы мог напеть наизусть каждый прохожий.

«Было им светло и радостно

В небе вдвоём...» – звучало по радио и из летних, настежь распахнутых окон.

«Ты прости меня, любимая,

За чужое зло,

Что моё крыло

Счастья не спасло!» – романтические подростки обнимались на дозволенных школьных «вечерах», покачиваясь в простеньком медленном танце.

Любовь и нежность, выстрел и смерть, лебеди, лирика и драма, контраст между светом и тьмой – всё, всё, что нужно для эффектного балетного номера, было в этой песне.

И Вася сделал его, поставил и радовался ещё одной своей маленькой победе.

Нет.

Не получилось.

– Но у тебя-то всё получилось! – убеждала его Мама и уговаривали и утешали друзья... и, кажется, искренне и сильно увлечённая им Кармен? Или это была Лена? Уже и не вспомнить всех этих девочек, а тот танец помнится: хоть сейчас репетировать! – Ты создал прекрасный танец, всем очень нравится! Не так важно, что его не покажут, это же не потому, что номер плохой!

Надо было принять поражение, учиться отделять свой собственный успех (у самого себя, да!) от того, который признаётся другими.

«Но поражения от победы ты сам не должен отличать», – эту мудрость поэта понимаешь с годами, не в семнадцать лет, увы.

Почему Сергеев, всегда поддерживавший эксперименты и новаторство, не пропустил его «Лебединую верность» для публичного показа? На прогоне всё получилось, что же пошло не так?

– Может быть, потому, что это эстрадная песня? Всё-таки не принято танцевать под такое... вроде как фигурное катание получилось, а не классический балет, – рассуждала Мама. – Но ты у меня всё равно молодец!

– Васька, он старик и ретроград, вот и всё! – шумели приятели. – Ты опередил время, слишком прогрессивно это, слишком современно, ему не понять!

«Может быть, мастеру показалась примитивной простенькая популярная песня? Не хотелось ему, чтобы балет опускался до шлягера? – думал Вася про себя. – Но я-то именно и хотел показать, что балет можно создать из всего, на любую музыку, для него нет препятствий, нет границ... его можно соединить и с современным танцем, и с современной жизнью... или он должен быть таким высоким искусством, которое недоступно народу... народным массам?»

...Через тридцать лет после этих размышлений Василий придумает и поставит свою «Золушку»: музыка Иоганна Штрауса, а стиль – из любимых шестидесятих годов двадцатого (к тому времени уже прошлого) века.

Ах, какая вольность! Элементы рок-н-ролла идеально вписаны в классику; Золушка похожа на тогдашнюю звезду Твигги – и алмазно сверкающий пояс, который она теряет вместо туфельки, сходится только на её талии, и танцует под того же Штрауса четвёрка «Биттлз»... балет может всё, он объединяет эпохи и стили, и публика («народные массы», как учили во времена победившего марксизма-ленинизма) приходит в восторг от узнавания и не скучает, не шелестит программкой в ожидании антракта. И ходит на такие балеты. Которые созданы не только для сохранения старины и не для высоколобых критиков-театроведов, а для всех. Даже для тех, кто считает балет скучным и непонятным зрелищем.

Думал ли он всё это тогда, после неудачи своей «Лебединой верности?»...

– Что, Вась, получилась не «Лебединая верность», а лебединая песня, а? – зло пошутил какой-то остряк, вокруг засмеялись... обидно, но ничего: друзей у него всегда было больше, чем завистников.

А оступиться в балете так легко, неудача всегда ходит так близко, дышит в затылок... как у канатоходцев.

Опасное и рискованное ремесло: рискуешь и жизнью, и сердцем.

И ничего не достигнешь без падений.

И без оторванных колечек ситцевой занавески – первого своего профессионального занавеса.

...Однажды – в далёком будущем – в случайном разговоре он с изумлением услышит, что двадцать лет спустя учащиеся младших классов Вагановского разучивали его номер про птиц: «Я в нём танцевала, Вася, я хорошо его помню – под песню «Лебединая верность»! Я была маленькой птичкой, это было так здорово!» – скажет ему художник Большого театра Лена Зайцева.

Как странно и забавно... да, всё сохраняется, даже танцы, ничто не проходит бесследно.

С Татьяной Подкопаевой. "Золотая рыбка"

Картина четвёртая. Железный занавес

Этот занавес, о котором он не задумывался, не подчинялся его воле и режиссёрским командам и чуть не погубил его.

...Быть в центре ему хотелось всегда: активность – вторая натура.

Хотелось много успеть: переделать классику, откопать и восстановить архивную старину, выдумать что-нибудь совсем новое, на современную музыку... разрешат или нет – другой вопрос, главное – осуществить идею.

Вокруг него при этом шла и другая, не балетная жизнь, и в ней тоже надо было участвовать.

Он выделялся – не всегда в классе, здесь каждый выделялся по-своему, но будущего солиста или, как минимум, корифея было видно. Почти сразу после поступления в училище он стал замечен и на обычных, школьных уроках, он хорошо писал и говорил (давала себя знать французская школа!), он верховодил друзьями, и однажды в январе, после праздников (в декабре ему исполнилось четырнадцать), его приняли в комсомол и практически сразу выбрали (точнее, назначили) комсоргом класса.

Это радовало: выше, лучше, ярче – приятно было во всём быть лучшим, не в кордебалете. Через год он уже был в комитете комсомола училища.

Взрослые выбирали ответственных и надёжных, сверстники поддерживали истинно достойных, не тихонь и не карьеристов, радовались возможности «выбрать» того, кто им нравился, а не просто одобрен и назначен партией.

Партией взрослых.

Он не придавал этому значения, жил так же, как танцевал: старался, делал всё, что нужно (и чуточку больше других!), играл отведённую ему роль солиста и здесь. Опять же, отец был доволен: сын – комсорг, это звучит гордо. Может быть, хотелось как-то утешить папу, отвлечь его от обманутых ожиданий, которые он возлагал не на него, а на брата? Ну и Мама рада, она всегда рада его успехам, а это ведь тоже немножко успех?

Родители, 1970

Он не думал о каком-то ином смысле этой деятельности, кроме как о лидерстве.

Быть молодым и «успешным» (тогда никто не говорил этого слова о людях!) означало непременно быть в комсомоле, «иметь успех» означало быть первым, быть вожаком стаи (привет, мультик про Маугли!), и для этого нужно было не только танцевать и придумывать балеты, но носить комсомольский значок и петь комсомольские песни.

В прямом и переносном смысле этого слова.

В прямом те песни были неплохими – переносного тогда никто из его поколения не понимал.

Взрослые, как потом выяснилось, были циничны и всё понимали.

И многое делали чужими, в том числе юными и чистыми, руками.

Семидесятые: годы «побегов»... целая волна – беспокойно синее море!

Нуриев, Макарова, Барышников... и этот тоже? Вы уже слышали? Как – не вернулся?! Не может быть! Точно вам говорю, уже партком собирался, обсуждали... и чего ему не хватало, спрашивается?! Ну как же – чего... сами знаете, танцевать ему не всё давали! Говорят, он с диссидентами общался... Да просто деньгами соблазнился! Говорят, американцы ему предложили... что же теперь будет?!

Шёпот и слухи ползли по училищу, шипели в каждом углу затаившимися змеями: завтра общее собрание... будут осуждать... говорят, комиссия с проверкой будет из обкома партии! Да что же у нас-то проверять, мы же ни при чём!

Вслух говорили мало, опасались сказать лишнее.

«Вася, завтра комсомольско-партийное собрание, весь коллектив, обеспечить стопроцентную явку!» – тон важный, многозначительный... не спрятаться, не отсидеться дома: им надо, чтобы все-все были замешаны, в едином порыве.

Происходящее казалось странным, было непонятно, как реагировать: с одной стороны, было всё родное-привычное, риторика, на которой они выросли – Родина, партия, комсомол,

верность идеалам, советская гордость, всё это казалось безусловно убедительным: недавняя война, романтика революции, любовь к родному городу...

А с другой... с другой, как ни странно, оказался балет.

Это же... если вдуматься, это отдельная страна, это мир без границ, это государство со своими законами: если бы тебе (любому из нас!) предложили танцевать лучшие партии в Ла Скала или Гранд Опера? Или возглавить балет Нью-Йорк-Сити? Ты бы сам (каждый из шепчущих!) отказался бы? От такой чести, от такой возможности, от такой свободы творчества? И разве это не честь для ленинградского балета, не мировое признание, не престиж для Родины?

Было что-то противоречивое во всём этом... помутилось синее море, вопросов в голове было больше, чем ответов, но задумываться было некогда: у взрослых на всё готов ответ. Вася, ты, как секретарь нашей комсомольской организации, должен подготовить выступающих...

Не на сцене выступающих – с трибуны, зачем ему это?

Мог ли он осуждать Барышникова? Этого бога, летающего над сценой? Да пусть летит куда угодно, лишь бы... как там у Чехова про журавлей?... лишь бы летели!

Ему, Васе, шестнадцать лет, а Барышников уже взлетел над всеми, и он, Вася, сам видел его репетиции... и как Он шёл с репетиций. Они все при первой возможности бегали на спектакли Кировского: учащихся ЛАХУ по традиции пускали на галёрку театра – сколько лет Барышников был всеобщим кумиром... театр просто рушился от аплодисментов, когда он танцевал.

...Мне шестьдесят лет, но до сих пор перед глазами: он в «Дон Кихоте» с Нинель Кургапкиной¹⁹ – казалось, он совершенство!

И все вокруг, те же (те же?!), взрослые в один голос твердили ему и таким, как он: смотрите, учитесь, это ваш шанс увидеть, вот он, сам Барышников! А теперь: Вася, ты у нас секретарь комсомольской организации, подпиши вот здесь... интересно, хранятся ли где-нибудь в недрах архивов Вагановского протоколы заседаний с этими «единодушно осудили», «единогласно постановили лишить...» и с подписями всех: и тех, кто радовался чужому падению, и тех шестнадцатилетних, которые не ведали, что творят? Эти бумажки теперь не имеют никакой ценности – не продать букинистам... наверняка сожгли, избавились от всего этого. Можно лишь всматриваться в даты в биографиях тогдашних великих: «с такого-то года вышел на пенсию», «в таком-то году назначен на должность», анализировать кадровые рокировки, сравнивать и делать выводы, но всё это уже ничего не говорит непосвящённым.

Собирались собрания и заседания парткома – собирались тучи над ЛАХУ: именно оно якобы растит кадры неправильно, воспитывает предателей Родины, низкопоклонничает перед Западом. Отсюда, из этих стен, выходят эти невозвращенцы! Надо что-то срочно менять... не в стране, нет, не в балетном мире, где начала царить партийная бюрократия и идеология, а здесь, в ЛАХУ: в питомнике и рассаднике... сейчас уж и не припомнить всей этой фразеологии.

Все затаили дыхание, переглядывались, шептались – в старших был ещё жив страх настоящих репрессий, да и холодная война диктовала свои правила... почернело синее море, замерли в ожидании золотые и обычные рыбки.

Молодёжи закон был не писан, они не застали эпоху большого страха, их детство пришлось на шестидесятые, их небо всегда было безоблачно; они верили в то, что живут в лучшей в мире стране, среди звонких песен и покорителей космоса, а если так, то всё происходящее – это, конечно, просто какое-то грандиозное недоразумение!

Разъяснить бы, проснуться – и чтобы всё это развеялось, как страшный сон.

В училище шли бесконечные проверки, приезжали какие-то комиссии; студентов спрашивали, что им говорят педагоги на уроках, внушают ли им мысли о побеге за границу... театр абсурда!

– Какая чушь! – в недоумении шумели молодые, но что они могли против налаженной партийно-бюрократической машины?

Как всегда бывает в таких случаях, пострадали лучшие и старинные, никак не связанные с идеологией кадры.

Уволить Балабину? Саму Франгопуло? Её-то за что?! Не может быть!

Но это было: на место Франгопуло назначили другого хранителя музея – и вот уже заказаны новые витрины и пластмассовые стеллажи, музей начал преобразаться и осовремениваться; часть экспонатов, которые годами собирала Франгопуло, были признаны не имеющими ценности и не нужными в обновлённой экспозиции, и ученики выносили мешки с этим «мусором» на помойку. Там, около мусорного бака, Вася подобрал один старинный клавир, несколько пожелтевших фотографий и книгу на английском языке о какой-то неизвестной по нашу сторону железного занавеса балерине.

Незаменимых нет, неприкосновенных тоже, это были их собственные, теперь утраченные иллюзии: воздушная страна по имени Балет не выдерживала столкновения с внешним миром, силы были неравными.

Выгнать директора ЛАХУ Валентина Ивановича Шелкова, много лет, с пятьдесят первого года, прекрасно руководившего школой? Назначить вместо него какую-то невнятную, ничем не примечательную даму (нет, даже не даму, простую тётеньку, клушу!) из обкома партии, ничего не понимающую в балете, написавшую какую-то брошюрку о Дворжаке – и всё?! Шептались, что её (как мы её назовём? *Ивановой? Петровой? Клушиной?*) понизили за какие-то служебные проступки, но Клушина была идейной и подкованной – пусть руководит этими балетными, чтоб им неповадно было просить убежища на загнивающем Западе! Появились и подобные ей – неразличимые двойники (какая старая, истинно петербургская тема!), такие же партийно-идейные клушины в безлико-бюрократических костюмах, проводили какие-то беседы, смотрели подозрительно, писали длинные отчёты.

Страшные, смутные времена... на море чёрная буря.

На даче

– Вася, зайди ко мне! – новоназначенная дама... как её? Имя-отчество не вспоминалось – просто одна из клушиных... интересно, что ей надо?

Ему хватало других, домашних переживаний и неприятностей; приходя в училище, он словно сбрасывал тяжкую для подростка ношу ужасных семейных сцен, оставлял всё плохое за

дверью, а здесь танцевал, сочинял, творил... так не хотелось заниматься никакими интригами, никакой политикой!

Дома тоже было смутное, непростое время.

Отец, как настоящий мужчина («родить сына, построить дом, посадить дерево»), всё своё свободное от работы время посвящал даче. И ладно бы – только своё: нет, служить его идее обязана была вся семья. После инфаркта и (хотя Михаил ни за что не признался бы в этом даже самому себе!) после разочарования в сыновьях, которые росли не такими, какими он их себе представлял, он спроектировал дом, и Вася с Мамой должны были ездить туда и работать на этой дополнительной работе. Отказы были исключены: у отца такой характер, что либо скандал, либо опять инфаркт... никуда не деться.

Каждое лето, когда так хотелось отдохнуть от физических нагрузок и перегрузок учебного года, его ждал непрерывный труд на даче... без музыки и фантазии. Кирпичи, тачки с песком и цементом, лопаты, прополка. Мама сочувствовала, но она и сама была заложницей этой дачи: пусть у Михаила будет дело жизни, ему это на пользу, мы должны поддерживать и помогать. Васе казалось странным, как Мама, с её гордым характером, прекрасным образованием, с её рассказами о благополучном детстве и баловавшем её отце, – как она могла терпеть вспыльчивость мужа, его часто дающее себя знать крестьянское происхождение, его непоколебимую уверенность в собственной правоте?

Дача была их мучением, и когда папы не стало, они сразу с облегчением и радостью избавились от этого дома: больше никогда! разве на даче отдых?!

Даче радовался только Фомка – когда-то крошечный, несчастный, случайно забравшийся к ним из подвала котёнок, а сейчас большой самоуверенный умный кот.

Его обнаружил Вася: будущий любимец семьи Фома сжался в комочек между двумя дверьми; наверное, Бабушка второпях неплотно закрыла наружную створку, и котёнок пробрался внутрь – к теплу и запахам еды. Его было безумно жалко, котик убедительно смотрел, жалобно пищал, доверчиво мурлыкал, и Васе удалось уговорить домашних, что им обязательно нужен этот бедный зверёк. Получив прописку и имя, Фома быстро похорошел, вырос, освоился в доме, научился пользоваться человеческим туалетом и охотно выезжал на природу: вот где надо жить, двуногие, что бы вы понимали! Я докажу вам, что надо жить здесь, на даче... тут охотиться можно, и птичку могу поймать, и мышку – вот вам добыча, делюсь! Ой, какой ужас, Вася! Сегодня не мышь, а, кажется, крот! Фома, ты герой! Хоть кто-то радуется даче, Мам!

Мама, кот Фома, Вася

Брат Юрий (Георгий) Медведев

Иногда удавалось упротить отца, чтобы он отпустил его в гости к своей сестре: тётя Валя жила у моря, недалеко от Сочи, в местечке с загадочным названием Лоо, и эти редкие поездки были счастьем. Вася обожал море, мог плавать и плавать – свобода, солнце, прозрачные волны, недолгое бездумное *far niente*²⁰. В море забываешь обо всём: где-то далеко оставлены политика и интриги училища, непрерывное напряжение на грани нервного срыва, неудачные (и удачные, от них тоже нужен отдых!) попытки преодолеть самого себя, домашние скандалы, доходящие порою чуть ли не до безобразных драк... плыть бы да плыть... без забот...

Никто из его одноклассников и представить себе не мог, в каком домашнем аду он жил – в этой прекрасной большой квартире, где они репетировали, по вечерам разыгрывались отнюдь не театральные, а настоящие драмы.

У старенькой Бабушки умерла жившая в соседнем доме, долго болевшая сестра – туда, в коммуналку, однажды насовсем перебрался старший брат: отец не выдержал и после очередного шумного скандала выгнал его из дома. Бабушка тайком от зятя носила внуку еду; Мама

мучилась от всего этого; по выходным покорно тащилась на дачу... а однажды, пережив ожидаемую бурю, взяла и устроилась на работу.

Ей стало труднее, но она так давно мечтала о личной независимости, ей так хотелось быть среди людей, красиво одеваться, что-то устраивать, организовывать, руководить; ей не нужны были эта дача и домашний очаг... в том смысле, в каком понимал его её сложный, но всё равно любимый муж.

...Потом, через много лет, когда они с Васей останутся одни, вдвоём на всём свете, они иногда будут вспоминать то время: нет, Вася, всё было не так ужасно, я любила твоего отца, он был достойнейшим человеком, не осуждай его, он всегда хотел как лучше для вас, и я делала то, что тогда считала правильным, в мире не только чёрное и белое, и всё было так сложно... наверное, тебе пришлось тяжелее всех, мой хороший, – нет, Мамочка, это тебе пришлось тяжелее всех, я же всё понимаю.

Он знал и о важном Мамином секрете: она с детства привыкла жить обеспеченно и втайне от мужа носила вещи, оставшиеся со старых времен, в ломбард. Кольца, часы, серебряные столовые приборы, фарфоровые статуэтки – сохранить удалось ничтожно мало, в блокаду всё обменивали на продукты, а теперь эти вещи помогали им сохранить тот уровень жизни, который Мама считала достойным. Когда появлялись лишние деньги, вещи возвращались, когда денег на выкуп не было, исчезали навсегда. Вася всё видел и понимал и никогда бы не выдал Мамину тайну.

Он отказался занять комнату старшего брата. Трудно объяснить – почему.

Не хотелось оказаться на его месте, как будто заменив его собой? Хотелось оставить Маме надежду на его возвращение: Юры нет временно, его комната ждёт его, он исправится и всё будет, как раньше?

Вася развесил в той комнате афиши, рисунки (самодельный музей Франгопуло был отличным примером!), собрал туда ещё какие-то интересные вещицы, проводил там немало времени, но так и не сделал эту комнату своей, остался в гостинной – и, просыпаясь в петербургских сумерках, едва открыв глаза, видел перед собой тёмно-красные складки своего домашнего занавеса.

Каждый дом (как и весь мир) – тоже театр...

– Вася, ты домой?

– Нет, меня эта... как её? Клушина? в партком просила зайти, вы меня не ждите!

Он предчувствовал, что разговор будет долгим, а по её тону понял, что и не слишком приятным.

Клушина улыбалась, предложила сесть, была любезна.

– Вася, ты, разумеется, понимаешь всю сложность... после истории с нашим бывшим (не будем называть имён), с бывшим солистом, не оправдавшим высокого доверия партии, – штампованные формулировки усыпляли, он вслушивался, пытаясь понять суть: чего она хочет? Опять готовить какое-нибудь собрание? Встретить очередную комиссию из райкома?

– Напряжённая политическая обстановка... обострение ситуации на международной арене. Ты, как секретарь комсомольской организации, облечённый доверием... наиболее достойный... непрерывная идеологическая борьба... уметь отличить потенциального врага... здесь, в стенах Ленинградского хореографического училища... вырастить достойную смену...

Клушина неожиданно сменила тон на более доверительный, почти домашний.

– И твоя собственная танцевальная карьера, Вася... у тебя талант, и как будущий выпускник училища... отличник ленинского зачёта, награждённый грамотой... достойно представлять нашу страну, в том числе и на гастролях за границей... мы должны предупреждать такие удары... бдительность и сотрудничество... и ценить оказанное тебе доверие!

Клушина сделала паузу.

Выжидала.

Не идиот же он, этот мальчишка, не просто же так он активничает, вон каких высот достиг: семнадцати лет нет, а он уже секретарь комитета комсомола, молодец, хорошую биографию себе делает, правильную, должен понимать такие вещи с полуслова. В Кировский метит, в солисты, и выездным быть захочет (она не зря намекнула на гастроли), и партии хорошие танцевать... и в партию вступить.

– Так мы договорились? – с нажимом произнесла она. – Мы не можем допустить антисоветских разговоров в училище, ты согласен? Партия и комсомол должны воспитывать тех, кто по неведению или злоумышленно ведёт такую пропаганду, и я рассчитываю на твоё сотрудничество. Мы должны знать, кто из учащихся...

– Вы хотите, чтобы я доносил на своих товарищей?! – возмутился он, поняв, наконец, к чему она клонит.

– Ну, зачем такие громкие слова? Ты будешь просто информировать, ты же настоящий комсомолец, секретарь комсомольской организации, ты, вообще-то, и без моих указаний обязан вовремя подавать сигналы... говорить правду – твой долг, а я, со своей стороны, обещаю тебе сделать всё, от меня зависящее... хорошая характеристика много значит, через год ты уже выпускник, и если ты зарекомендуешь себя верным и преданным делу Ленина...

– Я комсомолец, да! И воспитывали меня отец – коммунист и военный врач, и мама, пережившая блокаду! И оба они всегда говорили правду и выполняли свой долг, но по-другому, и меня учили этому. И я вам прямо скажу: доносить и докладывать я не буду! Это... это недостойно. Никто в училище не ведёт никаких антисоветских разговоров, нас интересует только балет, и мы говорим о балете!

– Это прекрасно, – недовольно поджала губы Клушина. – Иди, Василий. Иди и подумай. О балете. Если надумаешь – заходи.

Ему казалось, что это происходит не с ним, что он попал в какой-то роман.

Да, это виделось именно так: любимые книжки, полученные на талоны за сданную макулатуру... он, много, но как-то поспешно читавший классику по длинным спискам, выдаваемым на лето, особенно любил эти простенькие, но такие увлекательные истории: благородные герои, дуэли, три мушкетёра, конечно же, это оно, то самое!

Вернувшись домой после беседы с Клушиной, он достал зачитанный светлый том и быстро нашёл вспомнившийся эпизод:

«Когда друзья спросили его о причинах этого странного свидания, д'Артаньян сказал им только, что Ришелье предложил ему вступить в его гвардию в чине лейтенанта и что он отказался.

– И правильно сделали! – в один голос вскричали Портос и Арамис.

Атос глубоко задумался и ничего не ответил. Однако когда они остались вдвоем, он сказал другу:

– Вы сделали то, что должны были сделать, д'Артаньян, но, быть может, вы совершили большую ошибку.

Д'Артаньян вздохнул, ибо этот голос отвечал тайному голосу его сердца, говорившему, что его ждут большие несчастья...»

– Так и надо, Васька! Ты молодец! Пусть других стукачей ищет! – поддержали его одноклассники.

– Ты прав, Васенька. Только так ты и мог поступить, – вздохнула Мама. – Но... может быть, ты совершил ошибку...

Ей было страшно за него – опять, в который раз, по-настоящему страшно.

Если опять пришло время доносов, наушничества, если и в балет проникают идеология и бюрократия, то, как ни ужасно, его карьера, его талант могут быть загублены, это же так просто. Не принять его в театр, не давать ролей, не выпустить на гастроли – а через несколько

лет такой «жизни вполноги» можно не удержаться, потерять форму, впасть в отчаяние... храни его Бог, моего младшего!

Но разве можно было представить себе, чтобы он согласился?

В семнадцать лет на такое соглашались только совсем бессовестные, а её сын был прямым и честным, как он мог предать самого себя? Да и понимал ли он, в какие игры играет? Как велики ставки в этой игре с системой? А если бы понимал – пошёл ли бы на компромисс?

Кто знает, может, всё и обойдётся, не стоит раньше времени переживать, думала Липа. В училище без конца кадровые перестановки, неразбериха, новую директрису тоже могут уволить, за ней последуют и все остальные клушины... вот будет распределение – и посмотрим.

Будем надеяться, что этот разговор не станет непоправимой ошибкой.

Он один из лучших в выпуске, у него высокие оценки по специальности, его портрет постоянно на доске почёта – его должны автоматически распределить в Кировский... или хотя бы в Малый.

Конечно (Липа понимала), был ещё фактор роста, и он был против Васи.

Он был невысоким: в неё саму пошёл, не в отца – тот-то в молодости был статным, видным, классическим красавцем, спортсменом, все девушки заглядывались, а рост и сейчас, в возрасте и после всех его болезней, не спрячешь.

Принцы советского образца должны были быть если не типичными русскими богатырями, то уж точно не маленькими: этот стандарт был общепризнанным. Девочек тоже отбирали очень жёстко; над многими, даже тоненькими, трудолюбивыми и способными, годами висела угроза отчисления: «некрасивое», на чей-то вкус и взгляд, лицо – это был приговор. К лицам юношей были более снисходительны, но рост, мощь, фигура... Васе постоянно советовали есть морковку, чтобы подрасти; он вечно грыз её (чего не сделаешь ради балета!); Мама и Бабушка тёрли её, отваривали, тушили...

На Западе, о котором тогда знали не так много, были совсем другие критерии, там и невысокий изящный юноша мог надеяться стать Принцем – Вася понимал, что его одноклассники из других стран, вернувшись домой с дипломом Вагановского, будут иметь куда больше возможностей...

Интересно, что, даже думая об этом, он никогда не примерял на себя не то чтобы возможность – вероятность «невозвращения», отъезда за границу.

Судьба казалась такой ясной: только наш, ленинградский балет, только Кировский (или Малый), только работа, только собственные усилия, новые попытки, новые постановки... ну и морковка, да. Они с Мамой верили в морковку – помогла ли она ему?

Трудно сказать: он, конечно, подрос, был невысок, но не настолько, чтобы это бросалось в глаза, ему несложно было подобрать партнёршу, и ко времени выпускного он был одним из лучших танцовщиков курса. Ему уверенно прочили место в труппе одного из двух лучших театров: пусть не Принц, но солист или корифей – не меньше.

На комиссии по распределению председательствовала Клушина.

Вася почти забыл о прошлогоднем разговоре с ней – старался забыть, обходил её кабинет и партком стороной... им с друзьями все, входившие туда, казались потенциальными доносчиками, стукачами!

Что она ничего не забыла, он понял практически сразу: так она на него глянула... может быть, стоило тогда отказать ей как-то помягче, поддипломатичнее? Или сделать вид, что согласен, промолчать, схитрить? Ладно, что сделано, то сделано, ни о чём не жалеть, это в прошлом – а сейчас решается его будущее, и какой бы злопамятной ни была Клушина, вряд ли она сможет что-то испортить.

Его высокие оценки говорят сами за себя и затмевают невысокий рост, у него отличные рекомендации, его поддерживают лучшие педагоги, он столько уже станцевал...

Не может быть.

Он вышел с заседания комиссии оглушённый и потерянный.

Держал спину и лицо, пытался осознать.

Его – не – берут.

Его не принимают ни в Кировский, ни в Малый... они сто раз обсуждали это с педагогами, учащиеся его уровня распределялись туда автоматически...

«Вася, не может быть! Как же так?» – все были в недоумении.

Друзья утешали; Мама безуспешно прятала слёзы; педагоги преувеличенно бодро советовали не падать духом, но ничего не объясняли.

Было странное чувство бездомности: выйти за порог родного Вагановского – и не войти ни в одну желанную и, казалось, открытую, ожидавшую его дверь? Как котёнок Фомка, вышедший из своего подвала и оказавшийся на непонятной тёмной лестнице...

Надо было срочно искать какой-то приют.

В училище шептались за его спиной – друзья шёпотом выдавали ему эти тайны: это Клупина, Вася, это всё она! Говорят, написала что-то такое руководству театров... идейное. Мол, ты неблагонадёжный, муть какую-то! А они же сейчас всего боятся, против парткома ради тебя не пойдут, сам понимаешь! Держись, Васька, прорвёмся!

Было странно ощущать себя жертвой системы, против которой он, если честно, никогда не выступал: был активным и искренним комсомольцем, охотно жил по принятым в советской среде правилам, верил даже... не совсем в коммунизм, но в идеалы. Ими и руководствовался, и что получилось?

Олимпиада Васильевна Медведева. Ленинград, 1970

На душе скребли бездомные кошки, губы были сжаты, спина стала ещё прямее.

Если бы от злости можно было вырасти, он стал бы выше всех в их выпуске.

Одноклассники бурно обсуждали: кто куда распределён, устраивали каждый свою собственную судьбу, иностранные учащиеся звали на прощальные вечеринки.

Приближался выпускной вечер.

Был уже сшит шикарный бархатный пиджак и (писк моды!) гипюровый батник с длинными язычками воротника, и это кружево и бархат были ему очень к лицу, превращали в настоящего Принца.

Которого ни за что ни про что изгнали из его собственного королевства.

«Ничего, это ещё не конец сказки!» – сердито думал он.

Дома надо было (отплакав один раз) скрывать своё разочарование, не расстраивать ещё больше и так убитую страшной новостью Маму, не выказывать слабости перед отцом; надо было делать вид, что всё к лучшему.

На берегах Невы...

Были предложения из других городов: мир балета тесен, выпускники, особенно хорошего уровня, наперечёт, художественные руководители театров присматриваются к ним заранее: Васю, само собой, приглашали... уехать, что ли, из Ленинграда? Но... как это – уехать от всего самого главного, из центра балетной жизни? Больше того – из центра его тогдашней, юношеской Вселенной? Его мир вращался вокруг Кировского и (в крайнем случае!) Малого театров...

– В этом ты не прав, Вася! На другие города не соглашайся, это тебе ни к чему, потом оттуда не выберешься, но почему бы тебе не прийти к нам, в Консерваторию? – незабываемая Нина Рубеновна Мириманова²¹, ещё один его добрый ангел. Как и от кого она узнала, что он не попал ни в Кировский, ни в Малый, почему решила помочь?

– Не расстраивайся, – твердила она, – приходи к нам в труппу: натанцуешься у нас, наберёшь интересного опыта, поработаешь с молодыми хореографами! Кировский и Малый – это ещё не весь ленинградский балет, сам увидишь.

«Меня приглашают в Оперную студию Ленинградской Консерватории», – звучит неплохо, можно порадовать Маму. Не Кировский, ну и пусть, Мамочка, но, говорят, там тоже неплохо, и там я буду много танцевать... и ставить буду! И, между прочим, моё большое классическое па совсем скоро покажут в Театре балета Дворца культуры имени Горького, вот!

«Да что ты? Замечательно! – преувеличенно радовалась Мама. – Это из «Дочери снегов» Минкуса, да?»

Это была хорошая новость: в то время там был сильный, практически профессиональный коллектив, там начинал уже очень известный Григорович²², и постановка начинающего хореографа, вчерашнего учащегося, была серьёзной ступенькой... но на какой лестнице? Куда она вела?

Вместо прямой и понятной дороги перед ним оказалась какая-то странная полоса препятствий... Впрочем, пусть будет Консерватория.

«Это тоже опыт, Вася, тебе он пригодится, ты поработаешь там, а потом... мало ли, всё может измениться», – утешали его расстроенные (ничего нельзя сделать: партком сильнее искусства!) педагоги.

Встреченная в коридоре Клушина прошла мимо, не поздоровавшись, улыбнулась язвительно, как классическая коварная злодейка.

«Нельзя распускаться, нельзя показывать всем, что тебя удалось победить, что ты огорчён! Что какая-то Клушина смогла испортить тебе жизнь, да пошла она! В Вагановское поступил не сразу, и это переживу! Я ещё всем докажу...» – твердил он сам себе.

И вот он уже на выпускном, в том самом, шикарном, сшитом Мамой «по благу» у знакомого портного, пиджаке, с романтическим кружевным воротником батника, в моднейших брюках «клёш» – только туфли были старенькими, не удалось достать ничего получше, но кто их видит?

– Вась, пиджак – супер! Просто отпад, дай завтра надеть! – потом он иногда одалживал его приятелям и брату, идущим на свидание: весь мир театр, и костюмы должны соответствовать ролям.

Время ученичества позади, диплом в руках, и больше не будет ежедневных уроков, не нужно будет каждое утро прибегать сюда, в это ставшее вторым домом здание... на душе было смутно: не такая уж радость – этот выпускной вечер, скорее печаль и невнятная тревога. Не остались ли позади лучшие годы?

Вспоминался зимний лагерь в Толмачёво, где они получали короткую передышку: десять дней можно было просто бегать, отдыхать, не бояться сделать лишнее или неправильное движение, играть в снежки, как все дети... *через много лет Принц из его екатеринбургского балета «Катя и принц Сиам» будет втянут в игру в снежки: ничто не проходит. А ещё позже, в Берлине, дети двадцать первого века, танцующие в его «Щелкунчике», скажут, что не умеют играть в снежки, что девочки не знают, как укачивать куклу... «Вот у кого потерянное детство, боже мой!.. А мы были очень счастливы!»... Ах, эти каникулы зимой, и летний отдых в пансионате для тех, кто был занят в спектаклях Кировского: весь день можно бездельничать и гулять, а вечером танцевать... но закончилось детское счастье.*

Все поздравляли его с окончанием ЛАХУ.

Впереди было неизвестное и не такое блестящее, как он ожидал, будущее; друзья разъезжаются кто куда; уедет в свою далёкую Мексику милая темноглазая Кармен (нет, ничего серьёзного, но было приятно чувствовать себя любимым!); педагоги будут с той же любовью и тем же вниманием заниматься с новыми учениками... он чувствовал себя растерянным перед собственной, внезапно обрушившейся на него взрослостью и очень одиноким.

Предстояло начинать какую-то новую жизнь и строить её самому.

Хорошо, что хотя бы Клушина осталась в прошлом – он не мог и предположить, что так просто история с Клушиной не закончится, всё ещё впереди.

– И дальше у вас с ним, конечно, будет любовь? – недовольно морщится редактор. – К этому всё идёт, так?

– У меня – с ним?! С чего вы взяли? Вовсе нет, при чём тут любовь?! Это не любовный роман, а я просто автор!

– «Просто автор» не пишет с таким нескрываемым восхищением. Как мы это будем печатать – сплошные восторги? И эти ваши небрежные упоминания его «девочек», с которыми якобы ничего никогда... Вы, насколько я понимаю, с ним знакомы и вместе работали?

– Ну да, мы работаем, но... я пишу всё, как есть, Вася – мой друг, и я им восхищаюсь как балетмейстером, как талантливым человеком, и никакой любви!

– Кстати, нехорошо, что уже пять глав, а никакой любви. Читателю скучно станет: балет да балет, а ведь там должна быть такая красивая любовь...

Ну хорошо, пусть будет любовь.

Картина пятая. О любви

Он был влюблён всегда, постоянно.

Восхищение красотой, любование чужими движениями не покидало его.

Он влюблялся в педагогов, в балерин на сцене – и с той же силой в их партнёров; в этой любви не было ничего плотского: тело для человека балета – это совсем не то, что для непосвящённых.

Тело не тайна, тело – инструмент, его нужно изучать, разглядывать, видеть его красоту или несовершенство; нужно учиться им владеть; нужно и можно прикасаться к чужим телам и стать равнодушным к чужим прикосновениям... тело должно служить главному, а главное – танец, искусство... какая любовь?

Можно было влюбиться в девочку – залюбовавшись удачным исполнением, а через пять минут точно так же восхититься другой, и только это – умение той девочки взлететь или замереть в арабеске играет роль. Привычка смотреть на себя в зеркало, любовь и интерес к собственному телу, любование телами и мужчин, и женщин – может быть, что-то подобное доступно пониманию художников? Для которых тело – это только натура, объект искусства, в который можно беззаветно и безответно влюбиться – на период работы над картиной.

«Дети с театральной улицы» – в начале этого фильма стайка совсем юных воспитанников Вагановского бежит, легко взлетая в прыжках, по песку Финского залива; беспечные на вид, счастливые дети: мальчики и девочки, меньше всего, как ни странно, думающие о любви.

Они танцевали любовь, ведь все балеты, почти все танцы мира – они о любви, и только о ней. Но в реальной жизни они учились любить гораздо позже, чем их ровесники. Для них не существовало телесных тайн, они росли друг у друга на глазах: бегали полуодетыми по коридорам, раздевались и одевались за кулисами, стыдливость... да им было не до неё, о чём вы?

Кармен – Альварадо Бремер

При этом они были невинны в гораздо большей степени, чем обычные школьники: тело не было для них чем-то стыдным, запретным, но не было и предметом вожделения; им нужно было нечто большее, чем тело и физическая красота, чтобы влюбиться.

На уроках делали поддержки: мальчики привыкали держать партнёров, они не думали о том, девочка это или мальчик; никому из них и в голову бы не пришло просто так, не ради танца положить руку девочке на коленку. Разве что чисто по-дружески... а для дела они держались за все места: талия, ноги, спина... ничего запретного.

Античная невинность и естественность.

Из дружбы, постоянного партнёрства, частых совместных репетиций могло вырасти что-то... наверное, та самая любовь? Кармен улыбалась, и он улыбался ей – так же, как другим девочкам или нет? С Таней Подкопаевой он танцевал и репетировал гораздо охотнее: она была талантливее, они были хорошим дуэтом – хорошей парой? Нет, парой они никогда не были, хотя их полуодетые разгорячённые танцем тела прикасались друг к другу столько, сколько тогдашним подросткам и не снилось... и никакой любви.

Нужно что-то большее... он точно знал, что Кармен влюблена в него: сколько книжек и фильмов о любви уже было в его жизни, должна же быть и любовь? Ему хотелось думать, что это любовь: как в книжках, как у всех.

Мечты о любви не шли дальше последнего кадра любого фильма – поцелуй... да, пожалуй, тайком целоваться с Кармен было приятно, но в пятнадцать лет, привычно прислушиваясь к своему телу, так и не поймёшь: это та самая любовь? Или всё-таки нет?

– Мальчишки вы! Что бы вы понимали в любви? – многозначительно закатывал глаза болгарин Румен. – Небось, «Плейбой»-то в руках не держали? А если уж говорить об античности... могу вас кое-чему поучить, детки! Все эти ваши девчонки... ну их! Бывает и другая любовь... что скажешь, а?

Он подмигнул новичку: чех Любомир Кафка (никто не заинтересовался знаменитой во всём мире фамилией!) присоединился к ним в выпускном классе, приехал на усовершенствование, на один год.

Старше всех, красивый и эффектный, он уже был звездой – или так казалось? У него был опыт работы в театре, он был хорош в классическом танце, стал лучшим в их классе. Они все смотрели на него с обожанием, снизу вверх: не Барышников, конечно, но всё же... и педагоги хвалили его, и когда американцы приехали снимать свой фильм, то ни у кого не было сомнения, что Кафка будет там в одной из главных ролей.

Любомир Кафка и Михаэла Черна. Репетиция

...Этот и несколько других фильмов – это, увы, едва ли не всё, что сохранилось для будущего от прекрасного Любомира: его давно уже нет, умер рано, в Германии, недолго побыв звездой. Та же «чума XX века», что унесла Фредди Меркьюри и многих других...

Они казались такими свободными, раскрепощёнными, взрослыми: иностранцы, из другого, хотя и социалистического мира, им, казалось, было доступно что-то особенное... какой-то «Плейбой», какая-то другая любовь, о чём всё это?

– Ничего не скажу, мой юный друг! – ответил болгарину Любомир. Как-то так ответил, что стало понятно: эта тема закрыта, обсуждению не подлежит. – Ребята, после стипендии – как всегда? И я с вами!

Кафка уже слышал об этой «балетной» традиции: в день стипендии весь класс совершал неперенный обряд – своего рода праздник непослушания. Они, вечно сидящие на диете, точно знающие, сколько калорий в каком продукте, вечно озабоченные лишним весом, раз в месяц пускались во все тяжкие: позволяли себе объедаться сладостями.

«Обжорство» начиналось в «Метрополе» на Садовой: там были фантастические булочки с взбитым кремом, ах и ох! Да и пирожки из «Метрополя» славились на весь город. Потом шли дальше, на Невский – в знаменитое кафе-мороженое «Лягушатник». Официально оно звалось как-то иначе, но зелёные плюшевые диваны действительно наводили на мысль о лягушках, и весь город называл кафе только так. В «Лягушатнике» всегда было полно студентов, там стояли конусы с газированной водой, подавали несколько сортов мороженого в металлических креманках и даже шампанское – незатейливая советская роскошь.

Здесь не засиживались: надо было выполнить обязательную программу.

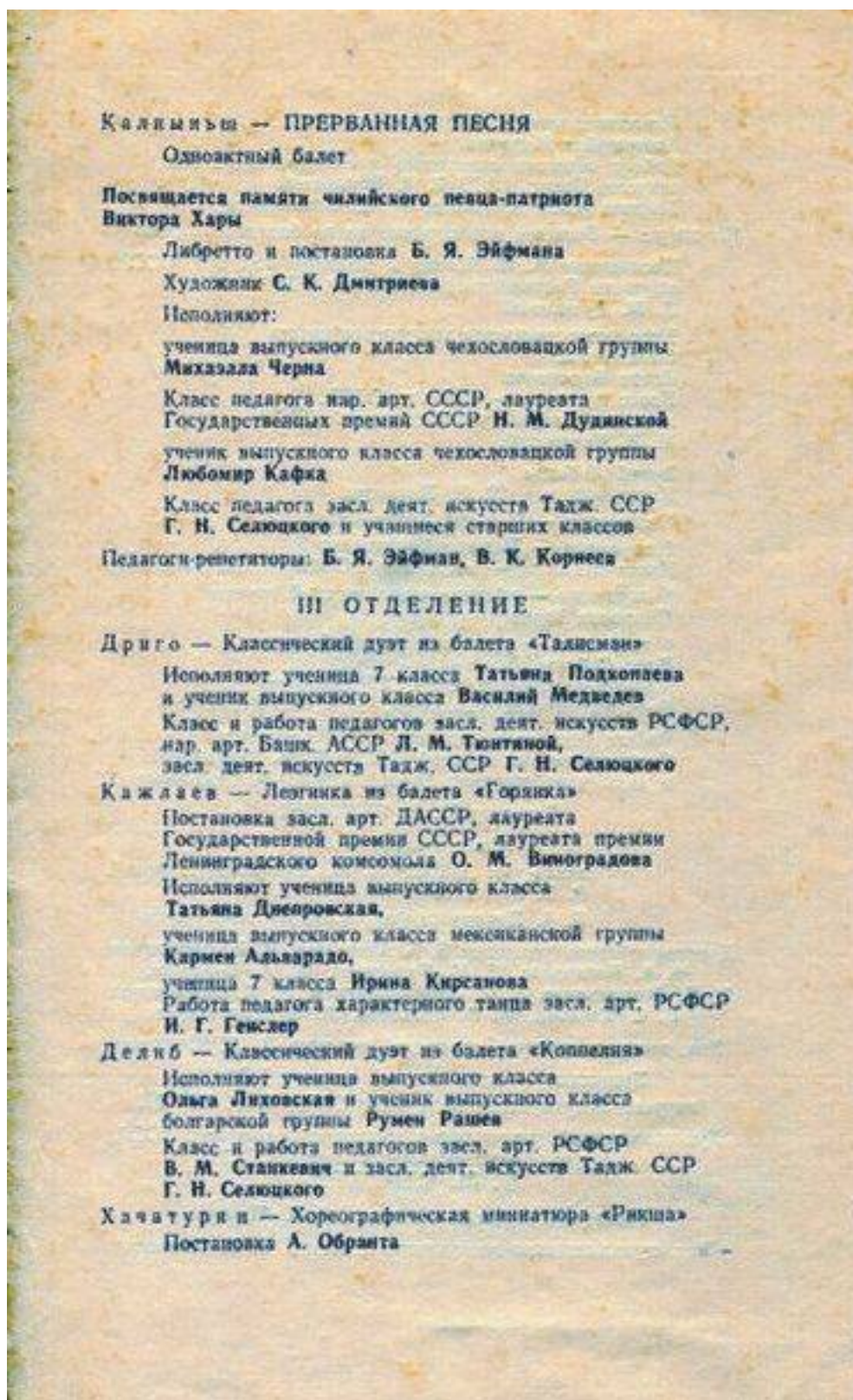
Следующим пунктом было кафе «Север»... ленинградцам не надо объяснять, что это за место! Вася знал о «Севере» от Мама, во времена её молодости он назывался на иностранный манер «Норд», и она с детства обожала тамошние пирожные.

...В последние годы жизни Олимпиада Васильевна часто просила сына принести ей пирожные из «Севера»: забывала, что всё уже не так, как раньше. Откусывала, огорчалась,

откладывала, не доев. Вспоминала былые времена: когда-то в «Севере» были невероятные эклеры...

А какими вкусными они казались вечно голодным, ограничивающим себя во всём будущим артистам балета! В конце маршрута была «Булочная» в китайском стиле – в ней ели булочки и «полоски»; девочки любили сладости больше, но и мальчики не отставали... думали ли они о любви? Разве они могли о ней не думать?

Программки Выпускных концертов в Октябрьском и Кировском, 1976

Вася. Ленинград, 1978

Они выросли среди романтических сказок, они учились выражать любовь – жестами, движением, всем телом; они рано осваивали искусство изображать нежность, увлечение, страсть – испытывали ли они всё это в своей собственной, не театральной жизни?

Они много говорили о любви: жили в своём замкнутом мирке, все на виду, не прячешься, не утаишь – счастливые глаза, улыбки, поцелуи в недалёком, редко возможном уединении. Потом все говорят: «Вася и Кармен»... и пусть!

Когда в училище стали шептать: «Вася и Кафка...» – это было странно, неожиданно и непонятно: о чём они?!

Любомир, звезда и старший товарищ, явно выделял Васю, его внимание льстило, они быстро стали друзьями: Вася восхищался им, а Кафка («Зови меня Любош!...») охотно делился секретами классического танца, опекал его, играл в наставника. Он увлечённо рассказывал о старинном балете «Сатанилла» (танцевал отдельные номера из него, а вот бы восстановить его целиком!), о сказочной Праге... я непременно приглашу тебя туда, Прага прекрасна, как музыка!

Кто первым пустил тот слух?

Может быть, Румен? Ему было обидно, что Кафка сблизился с Васей, а не с ним? Или он не причастен к возникновению сплетен, просто он ревновал? И это из-за его ревности, из-за его тщетных попыток привлечь особое внимание Любомира, на них вдруг стали посматривать – многозначительно и странно?

Вася уже успел узнать о той, «другой» любви, на которую тогда намекал Румен: оказывается, бывает и такое, ну и что ж, пусть... можно восхищаться кем угодно, влюбиться изда-лека в того же Барышникова, чем не любовь – к совершенству, к красоте, к недостижимому мастерству?

...Наша повесть уже перевалила за сто двадцать страниц, летела к развязке, когда мой герой написал мне, что поехал в Болгарию, в театр города Русе, на премьеру «Лебединого

озера». Всего час езды от Бухареста, где сам Вася ставит «Спящую красавицу», а постановщик «Лебединого» – Румен Рашев.

Они, одноклассники, не виделись больше сорока лет: Румен живёт и работает в далёкой Венесуэле. Впрочем, в мире балета нет понятий «далеко» и «близко», и если они не встречались, то значит... ничего это не значит, просто прошло больше сорока лет.

Может быть, нужно было случиться этой повести, чтобы они вспомнили друг о друге и увиделись? Встретились как добрые друзья, говорили и говорили, вспоминали Вагановское, своих учителей, Любомира Кафку... да, и его. «Любош говорил мне, как он тебя любил... со мной-то просто дружил, а к тебе относился совсем по-другому!»... Румену немало лет, у него счастливая семейная жизнь: жена-художница, двое детей, внуки. Но иногда он вспоминает юность и свою первую, яркую, безответную любовь к красивому танцовщику Любомиру...

– Вась, ты только не обижайся, но говорят...

Хорошо, когда есть верные друзья.

Оказывается, училище гудело от слухов, как потревоженный пчелиный улей: Любомир Кафка и Вася... вы слышали? неужели правда? вы тоже заметили? вечно вместе, неразлучная парочка! думаете, у них... да что же ещё может быть?

– Вась, ты бы поосторожнее с этим!

– Да не с чем мне осторожничать, мы просто дружим! Любомир мне помогает, он же намного опытнее...

– Вот именно, Вася! Ты бы не поддавался на эти западные провокации, дойдёт же до начальства!

До начальства – значит до парткома и Клушиной, педагоги-то смотрели на это спокойно, обладая широтой взглядов, – разумеется, дошло довольно быстро. Она была рада воспользоваться поступившей информацией: фраза о «моральном облике» была ловко вписана между прочих его мнимых преступлений. Не открытым текстом: не докажешь, никто свечку не держал, мальчишка твердит, что они «просто дружат», но пустить слух... не надо главным театрам города такого солиста, совсем не надо.

И вот распределение позади – а впереди два года работы в Оперной студии Консерватории.

Начался новый период его жизни, и через много лет станет понятно, что он был очень важным, знаковым. Что ни делается – всё к лучшему: неизвестно, что было бы с ним, попади он сразу в Кировский, кем бы он там стал? Рядовым танцовщиком, одним из многих солистов? Оттачивал бы и дальше уже обретенное мастерство, дошёл бы, может быть, и до каких-нибудь вторых ролей классического репертуара. А здесь... Нина Рубеновна была права: он увидел другой балет, смог поработать с молодыми новаторами.

Все, кто тогда только начинал свой творческий путь и с кем Васю свела судьба в Консерватории, стали в дальнейшем интересными хореографами: Володя Салимбаев²³, Олег Игнатьев²⁴, Леонид Лебедев²⁵, Эдвальд Смирнов²⁶, Сергей Сидоров, Жора Ковтун²⁷ ... со многими Вася дружит до сих пор, некоторых, к сожалению, уже нет в живых.

Все были молоды, полны идей, энергии, искали новые подходы к балету. Они заражали своим энтузиазмом и верой в то, что делают, смело экспериментировали, подолгу, до ночи, задерживались в балетном зале, пробовали, спорили, ругались, кричали, и снова пробовали, а потом шли к кому-нибудь домой, и пили чай, а то и что-нибудь покрепче, и продолжали спорить, размышлять... вот это и есть – любовь!

Хорошая была компания – и, если вдуматься, хорошее было время.

«В труппе Оперной студии было много способных артистов, для которых эта работа стала трамплином для дальнейшего карьерного роста в других театрах, – рассказывает сегодняшний, много повидавший, опытный Василий. – В те годы каждая труппа имела (и стремилась при-

обрести) хороших профессионалов, уровень солистов везде был высоким: и в провинции, и в союзных республиках. Все были на слуху и на виду!»

И здесь, в Консерватории, Вася сразу стал танцевать ведущие партии! И в новых, поставленных специально для него («на него»!) балетах: «Бык на крыше», «Дороги юности» – и текущий репертуар: «Венгерские танцы», «Золотой ключик», «Треуголка», «Романтический дивертисмент».

– Я же говорила тебе: натанцуешься! – улыбалась Нина Рубеновна. Дотошная, строгая, придирчивая на репетициях, она много работала с Васей, учила его всему, что знала и умела сама.

Это был прекрасный опыт, Вася жадно учился, впитывал в себя, как губка, школу Консерватории, но, несмотря ни на что, ему всё-таки порой казалось, что он не на своём месте, что это временно, что должно же что-то случиться, не навсегда же он в этой ссылке. И волшебное «что-то» действительно случилось, но сначала случились очередные домашние события.

Во-первых, они переехали.

Новая квартира была получена после настойчивых стараний отца: он, перенёсший уже несколько инфарктов, хотел жить в экологически чистом, спокойном месте, ближе к природе, а не в центре города.

Для Мама и Бабушки это было трагедией: обе родились и выросли в центре Петрограда, они не представляли себе жизни где-то... Бог знает где, Липочка, как же так? Неужели ты согласишься на эти... где эти Озерки? Это же не город, а окраина! Но спорить с отцом в последние годы становилось ещё сложнее, чем раньше, здоровье его было расшатано, и Липа (после так надоевших ей ссор и скандалов) не могла не согласиться.

Переезжали вчетвером: брат за эти годы успел жениться и перебраться к жене.

Трёхкомнатная квартира в новом панельном доме – тогда это казалось очень современным и модным: менять старое жильё на более новое, престижное, в спальных районах, в ведомственных домах. Всё здесь было непривычным и странным, тонкостенной квартире были не очень к лицу их огромная библиотека, и пианино, и тёмно-красная портьера-занавес из панбархата была длинновата... здесь должны быть совсем другие декорации. Рядом были настоящие деревни и, кажется, даже свиноферма, и свежий воздух, и те самые, давшие название району небольшие озёра, и строилось много новых домов, но... так далеко от всего: от театров, от Невского, от «балетной» улицы Росси, от кондитерской «Север». От культуры и нормальной городской жизни.

Маме и Бабушке это казалось какой-то ссылкой, прозябанием вдали от родных мест. Да, здесь чистая и новая кухня, нет газовой колонки, и быт можно устроить проще, чем в старом доме, но...

Отец не успел толком насладиться новой квартирой: Вася репетировал в Консерватории, когда в окно зала вдруг влетела какая-то ошалевшая, непонятно как сюда попавшая птица. И почти одновременно его позвали к телефону в кабинет главного хореографа... что-то было в этом нехорошее, тревожное!

Звонила Мама, она никогда бы не стала... наверное, что-то случилось – да, так и есть.

«Васенька, Папы больше нет...» – кажется, она сказала эти или какие-то похожие слова, он потом не мог вспомнить. Было странное состояние, никак не верилось, что отец... да, он был болен, и тяжело, но всё равно его смерть оказалась неожиданностью – и, как ни прискорбно, стала не только горем, но немножко и избавлением.

И для самого ушедшего, и для оставшихся.

На похоронах вспоминалось всякое: как они с папой ходили на лыжах в Таврическом саду, отец любил это, а Васе потом стало нельзя, лыжи и коньки не для балетных, развивают не те мышцы, вредят... кажется, отец был огорчён его отказом от лыж?

Отец водил его за грибами, хорошо разбирался в них, учил Васю отличать хороший гриб от червивого и ядовитого, подосиновик от подберёзовика, находить грибные места. А как-то отец ушёл один, заблудился, и его не было целые сутки! Они с Мамой волновались, не знали, что делать: вокруг было много болот и непроходимых чаш. К счастью, отец вернулся; рассказал удивительное: что его вывела на дорогу – лосиха! Шла вперёд, оглядывалась: идёт ли он за ней – можно сказать, спасла.

Отец не застал перемен в жизни младшего сына: вскоре после его смерти произошла очередная смена руководства и в Кировском, и в Малом театрах, и Васю (о нём не забыли!) пригласили танцевать в Малый. Это было счастьем: после первого отказа, после прозябания, как ему казалось, на второстепенной сцене, опять подняться на прежний уровень, и он бросился в эту работу, как летом самозабвенно бросался в прозрачное море.

Он соскучился по серьёзным партиям, стал танцевать много и успешно, оттеснил кого-то, стал лучше кого-то... ему было не до интриг, он просто танцевал – как умел и ещё лучше, изво всех сил.

В тогдашнем Малом театре были свои звёзды: учащиеся ЛАХУ всерьёз воспринимали только Кировский, но оказалось, что и здесь довольно высокий уровень, которому надо соответствовать. Большой удачей было познакомиться и подружиться с такой яркой личностью, как Никита Долгушин²⁸; одновременно с Васей в театр пришли и солисты из Пермского театра, которых привёл нынешний художественный руководитель Малого Николай Боярчиков²⁹... жизнь расцвела новыми красками, вокруг было много новых интересных людей, впереди ждали новые роли. У Васи снова заблестели глаза: всё получается, всё складывается, он просто летал!

Вокруг него даже появилась «свита»: так исторически сложилось, сохранилось с времён Нижинского и Павловой, что вокруг школы и театров всегда вились поклонники, которые начинали поддерживать юных... юные таланты.

Клака? Но клакерам платят, а эти (и мужчины, и женщины) были абсолютно бескорыстны: говорили красивые слова, дарили подарки, ходили на выступления, провожали, аплодировали... что за этим стояло? Хотели ли они совратить-соблазнить (как ему намекали старшие) юных балерин и танцоров, делали ли это? Вася не знал и не хотел знать, он дружелюбно принимал это поклонение, считал это неизбежной составляющей профессии артиста.

Он танцевал.

Жизнь налаживалась, намечались важные гастроли – поездка в Японию.

Было очевидно, что он, исполняющий несколько ведущих партий, поедет: были собраны и оформлены все нужные документы, подписаны и поданы в высшие инстанции характеристики.

Когда его пригласили зайти в партком, он и предположить не мог... думал: какая-нибудь ерунда, мелочь, может быть, нужна какая-то очередная справка.

«...нет, когда тебя приглашает Инквизиция, ты сразу всё понимаешь!» – скажет он, создавая буквально из ничего балет «Гойя». Поколение нового века, к счастью, уже лишено этого страха, когда художника могут вызвать какие-то безликие люди и указывать ему, где и в чём он нарушил их неписанные законы... серые безликие мучители – таким был кордебалет в страшных видениях Гойи, имя им легион...

На их языке это называлось «поступил сигнал».

В переводе на общечеловеческий: кто-то что-то сообщил, причём в письменном виде. Написал донос – если уж называть вещи своими именами.

Следующий шаг был за парткомом: давать ли «делу» ход, проверять ли факты, сделать ли вид, что ничего не было. К нему хорошо относились: он же просто танцевал, не участвовал ни в каких интригах, не сплетничал, был со всеми ровен и доброжелателен... всё не так просто: этого недостаточно.

Во-первых, «сигнал» не был анонимным: письмо пришло из его родного ЛАХУ... да, проницательный читатель угадал верно: всё та же Клушина! Два года прошло, что же ей нужно?! Вася уже почти забыл, как она выглядела, а она...

«Но помните, что у нас длинные руки...» – зловеще говорил книжный злодей кардинал Ришелье и мстительно улыбался кривой улыбкой, как Клушина в коридоре.

Во-вторых, письмо было очень кстати: он же поступил в Малый театр и стал танцевать много и успешно... вот именно! Значит, кто-то, кто танцевал эти партии до него, стал менее востребованным, был отстранён, перешёл во второй состав, уступил свои роли ему. Грань очень тонка: кто исполняет лучше, кто хуже – есть, конечно, и объективные критерии, но «обиженных» и желающих указать молодому дарованию его место всегда немало.

А желающих поехать на гастроли в Японию и того больше.

«Сигнал» был рассчитан точно, бил в самое больное место: комсомолец Василий, говорилось там чёрным по белому, домогается любви иностранной студентки. Причём отнюдь не из «социалистического лагеря», а из капиталистической Бельгии. Очевидно, что он рассчитывает уехать за границу – может быть, и не вернуться с ближайших гастролей.

Доказательства? Инквизиции не нужны доказательства – это ты должен доказывать им, что чист и невиновен. Ударить чёрным по белому очень легко, а вот отмыться...

Исключить его из списков, никаких зарубежных гастролей, никакой Японии.

Может, и из комсомола исключить – чтобы уж наверняка?

Будет знать, как крутить любовь с иностранками!

– А что было потом?

– А потом я написал письмо Брежневу.

– Кому-кому?! Ты?! С ума сошёл?!

Никогда не разговаривайте с неизвестными, учил классик.

Я говорю со своим героем и не узнаю его: где тот маленький Вася, которого я так ясно видела, который (я точно знала и угадала!) радовался чёрным чешкам с белыми треугольными и сердился на тяжёлую шубку? Тот мальчик, который подобрал котёнка Фому и прилежно переписывал клавиры?

Или это он и есть? Узнавала ли его Олимпиада, его собственная любимая Мама?

Разве я придумала бы про него такое: письмо Брежневу, надо же!

– Между прочим, я не твой персонаж. Ты не можешь меня придумать. Ты можешь только воспроизвести... Либретто своей жизни я сочинял сам, без соавторов!

Он прав. Персонажи всегда творят, что хотят... что ж, пишем Брежневу.

На деревню, дедушке, ха-ха.

Москва, Кремль.

Генеральному секретарю Коммунистической партии Советского Союза.

«Милый дедушка! Нету никакой моей возможности...»

– И копию – первому секретарю Обкома партии Ленинграда, – спокойно добавляет мой герой.

Был ли он идеалистом?

Конечно, был.

В балете все идеалисты и перфекционисты, максималисты и романтики, как же иначе достичь каждой следующей высоты и удержаться на ней? Без идеализма – путь в администраторы, а не в творчество.

Всё, чему их учили: служение, честь, традиции, гордость; всё, что они танцевали и изображали: любовь, верность, предательство, смерть.

Чёрное и белое, красное и чёрное.

Полюбить – так королеву, жаловаться – так самому господину Богу. В тогдашнем его земном воплощении.

– И что он тебе ответил?

– Брежнев-то? Само собой, ничего. Но письмо было отправлено, о нём узнали, я же не тайно писал. Объяснял, что меня незаслуженно и безосновательно оклеветали, что моя единственная цель и мечта – это балет, исполнение самых сложных партий на самых главных сценах страны, что я не считаю себя недостойным этого. В том числе я хочу ездить и на зарубежные гастрели, как другие мои товарищи.

– И про бельгийку написал?

– И про неё. Мы же просто дружили, ничего более! Я со всеми дружил... с тобой вот сто лет дружу, но я же не...

Не моего романа, да.

Вернее, теперь ты герой моего романа, но не любовного.

– А с иностранкой... слушай, как было бы эффектно, если бы у вас была любовь: Ромео и Джульетта, разделённые железным занавесом, идущие тропею грома и всё такое!

– Не выдумывай. Я тогда не думал ни о какой любви, я был влюблён в балет. И я должен был бороться за своё доброе имя – или, по-твоему, я должен был молчать и терпеть? Чтобы победили доносчики?

– Вовсе нет... ты просто... ну я не знаю: Гамлет, принц Датский, и д'Артаньян в одном флаконе. Борец за добро и справедливость! Не ожидала от тебя...

Он и сам не ожидал.

Все в театре тогда от него отвернулись – одновременно, как хороший кордебалет! – старые педагоги поддерживали, как могли, но что они могли? Их власть простиралась недалеко, распространялась только на мастерство, на искусство: Дудинская всё равно брала для показа созданные им номера, но он понимал, что ещё немного – и на это тоже потребуются мужество. Имена вычёркивались безжалостно: никто не произносил вслух фамилию «Барышников», как будто его и не было, а его, Васиного, имя забыть гораздо легче, он же только-только начал.

Даже Мама как-то сникла, смирилась: что ж поделать... видимо, будет невыездной. Хотя бы танцевать ему дали, хоть бы что-то... могут и на всей карьере поставить крест. Слава Богу, отец не застал... А в чём Вася виноват? В том, что общительный и со всеми дружит? Но ведь их так и учили, в их классе и вокруг постоянно были иностранцы, а они же совсем дети, молодёжь, понятно, что... ну увлёкся девушкой, поухаживал, с кем не бывает?

– Мам, я за ней не ухаживал! Она, прежде всего, была совершенно бездарна, как я мог ею увлечься?! Я ей сразу дал понять, что мы просто друзья, и ничего больше...

– «Я вас люблю любовью брата?» Как Онегин? – Мама была начитанной и часто цитировала Пушкина.

– Да, как Онегин! Она мне, правда, любовных писем не писала... да вообще ничего у нас не было!

А в нём самом, пожалуй, было что-то онегинское.

Петербургский (хотя и ленинградский) юноша охотно примерял на себя эту роль: острижен по последней моде, как денди лондонский, одет, и не надо ему никаких унылых барышень с их любовью – особенно ничем не примечательных и бездарных. Онегин мог влюбиться только в звезду, которой показалась ему новая Татьяна, в лучшую из лучших, в недоступную мечту, в невозможное...

Потом он поставит своего собственного «Онегина»: такого, каким он его всегда себе представлял. Не на оперную музыку: в опере в центре внимания скорее Татьяна, чем главный герой, а если подобрать раннюю музыку Чайковского... тот балет будет высоко оценен потомком поэта Кеннетом Пушкиным.

Жаль, что его «Онегина» пока не видели в России...

...адрес его электронной почты и сегодня – **onegin**.

Судьба Онегина хранила – к Василию она была не столь благосклонна.

Оказаться жертвой наговоров, сплетен – и некого вызвать на дуэль!

Поддержка пришла с неожиданной стороны.

– Как же так, Василий?! Ты должен бороться, нельзя это так оставлять! – возмущался один из его поклонников. «Дяденька» из той самой свиты (или клаки?) по имени Александр Воронков. – Не верю никаким наговорам, это всё клевета, и надо с этим разобраться! Они пишут – и мы напишем! Хоть самому Брежневу!

В первую секунду это показалось абсурдом, но Александр говорил красноречиво, убедительно и деловито, как будто писать Брежневу – это такое простое и естественное занятие, и Вася тут же принял эту идею. Это было ему по душе: бороться, искать справедливость, проявлять активность, не сидеть, сложа руки. Он никогда не понимал тех, кто безропотно принимает удары судьбы, кто пассивно переживает непогоду, кто легко смиряется с поражением.

Может быть, поэтому ему удавались и сложные, совершенно новые постановки?

Письмо было написано и отправлено.

Ленинградский обком партии получил копию – и отсюда-то, скорее всего, и пришло спасение.

Если этот мальчишка имеет смелость (наглость?) писать не куда-нибудь, а Самому, значит... это, само собой, много что значит! Вот мы с вами сейчас неотреагируем, а потом нам из Москвы скажут... не просто же так он туда пишет! Значит, у него там есть «рука». Может быть, через покойного отца? Наверное, из пациентов кто-нибудь, сами знаете, какие у врачей связи! Позвоните этой Клушиной, пусть оставит парня в покое, а то как бы чего не вышло.

Извечное российское «инкогнито из Петербурга», классический пируэт сюжета.

Его не исключили из комсомола, хотя на всякий случай вклеили «выговор по комсомольской линии».

И всё затихло.

Коллеги, как по мановению невидимой дирижёрской палочки, вновь стали здороваться... а что недострелили, так я, брат, даже рад! – пел тогдашний кумир Высоцкий, и правильно пел.

Времена и нравы всегда одинаковые.

А вы говорите: «любовь»... иногда не до любви!

Картина шестая. Безвоздушное пространство

Шёл 1979 год.

Ничего не происходило... нет, конечно, были какие-то события, но при всём при этом – тишина, застой, никаких надежд. Куда всё делось?

Вася приходил в театр: он уже понял, что вёл себя не совсем правильно, что здесь, в Малом, задолго до его появления были свои звёзды, свои авторитеты, свои непростые расклады; он принялся танцевать и претендовать на роли, не учитывая ничьих интересов, не оглядываясь, не слишком внимательно смотря вокруг и не прислушиваясь к сплетням.

Реакция коллег на лживое письмо показала ему: он ничего ни для кого не значит, им всё равно, они легко погубят его, равнодушно вычеркнут из списка, забудут – и не будет ни гастролей, ни ролей, ни перспектив.

Он оказался как будто в вакууме, в безвоздушном пространстве: с ним опять здоровались, ему позволяли исполнять какие-то незначительные партии, но... дьявол, как известно, скрывается в мелочах и деталях, а этих мелочей было немало. Его имя могло быть на афише, но в последний момент вдруг выяснялось, что («извини, Василий!») вместо него сегодня будет танцевать другой солист – выше него по рангу и возрасту.

Ему хотелось, чтобы всё это забылось, чтобы все окончательно успокоились; он решил взять тайм-аут и заняться здоровьем: колено давно требовало не просто лечения, а хирургического вмешательства. Обратная сторона балета, неизбежная плата за жестокое обращение с собственным телом, за безжалостность к нему, за стремление достичь совершенства вопреки законам физики и анатомии.

После сложной операции в Институте Вредена нужен был период реабилитации, потом вхождение в форму. Было приятно побыть одному, сосредоточиться на себе самом; даже боль, которую надо было преодолевать, казалась не такой уж страшной: это в моей власти, это я, это моё тело, моё колено, я могу и буду работать с ним, никто не может мне помешать. Ему нужна была эта передышка: никого не видеть, ни с кем не говорить, никому ничего не доказывать.

Всё кончается, кончился и больничный; пора было возвращаться и в театр.

Его «простили».

Хотя дали понять, что он должен загладить несуществующую, но всё же вину: известно же, что не бывает дыма без огня, что зря у нас никого не посадят и не уволят, что раз был сигнал, значит, хоть что-нибудь да было... ха-ха, с иностранкой у него ничего не было – зато, говорят, когда-то было с иностранцем! Вы разве не слышали про него и этого... Кафка, кажется? Всё Вагановское говорило, его поэтому и в Кировский не приняли! Да нет, что вы выдумываете, просто он поссорился с Клушиной и ещё с кем-то в парткоме! Он, между нами, был секретарём комитета комсомола, когда ну... сами знаете кто не вернулся. Его ещё тогда могли запросто из комсомола исключить. Но сейчас-то было указание простить... говорят, самому Брежневу писал! Небось, связи в Москве, на уровне Минкульта, иначе ему бы так легко, одним выговором не отделаться. Придётся в репертуар вводить... мало ли, вдруг опять жаловаться начнёт?

Пусть всё будет, как будто ничего не произошло: пусть готовит роль Алена в «Тщетной предосторожности». Он после операции, справится ли? Хореография Олега Виноградова³⁰ сложная, роль непростая, комическая... ну, не справится – тем хуже для него. А нам, театру, будет не в чем себя упрекнуть: мы ему предоставили возможность загладить и искупить...

Подготовить Васю к роли должен был Герман Замуэль³¹.

Он сам блестяще танцевал, в том числе и партию Алена, с ним было легко найти общий язык и интересно и приятно работать. Васе очень хотелось исполнить новую партию как можно

лучше, доказать себе и всем... работать бы и работать, танцевать, не отвлекаясь ни на что, но нет – не те времена.

Герман и его жена балерина Валентина Муханова³² оказались в эпицентре скандала – почти такого же, в котором чуть не пропал сам Вася. Их непрерывно вызывали в разные инстанции, выясняли что-то, устраивали (теперь уже по их поводу) собрания и заседания. Говорили, что кто-то прочитал их письмо, что они (ведущие солисты, заслуженная артистка!) хотят остаться во время гастролей за границей, и началось...

Существовало ли то письмо, выдумали ли его? Инквизиции всё равно: нет дыма без огня, обвинить другого надо успеть раньше, чем обвинят тебя самого.

Наступил 1980-й: такой же, как предыдущий, только страна бурно готовилась к Олимпиаде.

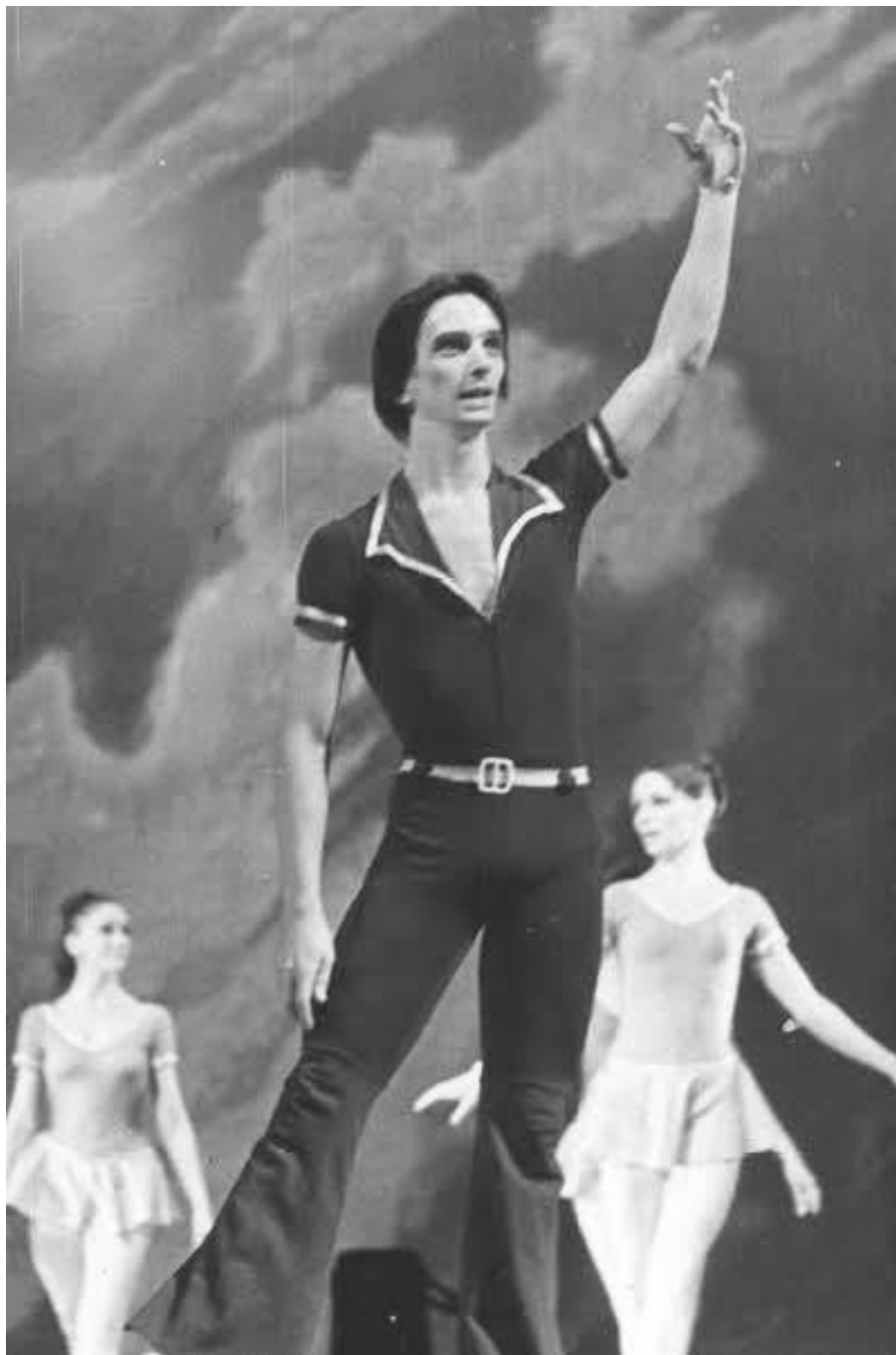
Вася – Пьеро, «Золотой ключик», Ленинград, 1978

Они с Мамой шутили, что никогда её имя так часто не звучало по телевизору.

Ленинград спешно приводили в порядок – вернее, наводили видимость порядка, вроде косметического ремонта. Что-то строили, что-то красили, улицы ближе к лету опустели: школьников и студентов отправили в пионерские лагеря и стройотряды, всех хоть немного подозрительных и неблагонадёжных тоже куда-то отправили, у приезжих милиционеры в красивой форме строго проверяли пропуску... город как будто перешёл на подобие военного положения. При этом всё, разумеется, было мирно и спокойно, даже празднично; светлые летние улицы были пустынными и чисты; в магазинах появились непривычные и даже иностранные продукты. Молоко и соки в прямоугольных пакетах, неведомая прежде «Пепси-кола», сыр и конфеты из Финляндии.

Казалось, окно в Европу приоткрылось – хотелось надеяться, что это дверь в большой мир, что не просто «все флаги в гости будут к нам», но и нам станет можно ездить куда-нибудь в гости без обязательной нервотрёпки в парткомах.

Но нет: Олимпиада прошла, временное показное изобилие сменилось обычным репертуаром товаров, да и всё остальное никто не отменял.

Вася: «Дороги юности», Ленинград, 1978

Олимпийское лето омрачилось смертью Высоцкого – теперь и его хриплый голос не нарушит воцарившуюся (казалось, навеки) душную тишину застоя.

Генсек был стар («Он у нас – суперstar!» – шёпотом шутили те, кому удалось послушать хотя бы отрывки из знаменитой, но, само собой, запрещённой рок-оперы), но никто не задумывался о том, что он не вечен: какая разница – придёт следующий, и будет всё то же самое. Те же парткомы, те же доносы под видом правдоискательства, те же непонятные правила игры... никто не ожидал никаких перемен.

Замуэль, несмотря на организованную против него кампанию, всё же подготовил Васю, и он успешно (все говорили, что просто прекрасно!) станцевал партию Алена. Его хвалили, после такого явного успеха ему стали давать и другие роли, но что-то такое всё же витало в разряжённом вокруг него воздухе: те же неожиданные замены на другого исполнителя, те же необъяснимые умолчания, шёпот и не слишком доброжелательные взгляды.

– Вась, ну ты, что, сам не понимаешь?! – говорили немногие приятели. – Думаешь, они так просто от тебя отстанут? И ты тоже хорош: ты и так на подозрении в связи с иностранкой, а теперь ещё и с Замуэлем дружишь.

Наталья Барская, Вася: «Дороги юности», Ленинград, 1978

– Да не было у меня никакой связи с иностранкой! А Замуэль чем плох?! Я с ним репетировал, он супер!

– Вась... ты как с Луны свалился, честное слово! Он-то супер, но, между нами... он же инвалид пятой группы!

– Кто-кто?!

– Еврей, пятый пункт у него... сейчас их в Израиль выпускают, он в любой момент уехать может, а ты-то останешься.

Господибожемой. Как всё это надоело!

Как можно так жить: дружишь с юношей – пускают слух, что у вас запретная любовь, то есть уголовное преступление! Дружишь с девушкой – она иностранка, у тебя с ней связь, ты хочешь за границу! Работаешь с наставником – он, видите ли, еврей, а значит, изначально подозревается в связях всё с той же заграницей... и что теперь делать? Куда ни шагни – везде какие-то... да на пуантах удержаться проще, чем маневрировать среди всего этого!

Съёмки фильма-балета «Галатея». Ленинград, 1977

– Вась, они тебе всё равно вредить будут, вот увидишь! Не успокоятся и не дадут тебе танцевать! В любом другом театре ты бы сразу стал ведущим солистом! – сыпали соль на рану доброжелатели из кордебалета.

С ними Васе нечего было делить, он считал их друзьями, верил в то, что они от души желают ему добра. Советуют насчёт «любого другого театра»... где его, спрашивается, искать? Театры все наперечёт, в каждом свои солисты и хореографы; уезжать куда-нибудь в провинцию ему, истинному ленинградцу, совсем не улыбалось. И Мама с Бабушкой – он теперь у них единственный мужчина; брат живёт отдельно, занят своими делами, да и ненадёжный он человек, увы... алкоголь – такая беда...

Не хотелось уезжать далеко от привычного балетного мира: ему казалось, что столица этого мира, его безусловный центр был здесь, в Ленинграде, никакая Москва не сравнится, никакой Париж и Нью-Йорк! Впрочем, если бы его вдруг позвали солистом в Большой... или в Гранд-Опера – так, мечтать, как говорится, не вредно, но и пользы от пустых мечтаний никакой.

Василий и Наталия Михайлевская, Москва, 1979

Давай-ка к станку.

Работать – это так понятно и привычно, и, в конечном счёте, только это имеет смысл.

Мечтать – так о новых партиях, о собственных постановках, о ещё чуть более высоком прыжке, о ещё немного приблизившемся совершенстве, о мастерстве. А мастерство само по себе не приходит – иди к станку.

Из зеркала на него смотрел довольно грустный молодой человек: вроде бы всё начало так удачно складываться, а доброжелатели советуют поискать другой театр. И это друзья, которым он верил, а ведь, может быть, их устами говорят его враги, которым только того и надо, чтобы он подал заявление об уходе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.